Туман над Фудзи

Автор:
Елена Ронина

Туман над Фудзи

Елена Ронина

Близкие люди. Романы Елены Рониной

Побывать в Японии – мечта многих. В одной поездке судьба соединила очень разных путешественников. У каждого своя цель. Кто-то хочет улучшить семейные отношения, кто-то полюбоваться красными осенними листьями, а кто-то навсегда остаться на Фудзияме…

Елена Ронина

Туман над Фудзи

Есть ситуации, на которые я могу повлиять, и те, на которые я уже повлиять не могу. Не дай бог мне эти ситуации перепутать.

Все совпадения с реальностью случайны, события и персонажи вымышлены

Пролог

Фудзи

А ведь раскрутили Фудзи иностранцы. Приехали, увидели ровную красивую пирамиду и влюбились в гору. И японцев заставили присмотреться к горе более тщательно. До Фудзи почитали гору Цукуба. Цукуба-сан. Японцы любят асимметрию: им не очень понятны ровные линии, что-то в них есть для японцев противоестественное. Куцуба-сан с ее двумя вершинами понятнее и привычнее. Две вершины, два храма, посвященных прародителям Японии, главным богам синтоизма – богу мужского начала Идзанаги и богине женского начала Идзанами. Обе горы видны из Токио. Все зависит от погоды и ветра.

И все же иностранцы выбрали Фудзи. И потянулась череда туристов и почитателей. Японцы быстро смекнули свою выгоду, озаботились сувенирной продукцией, проложили туристические маршруты, и маховик машины завертелся. И вот теперь каждый, кто приезжает в Японию, обязан посетить Фудзи. Но… Гора показывается далеко не всем. И не в богах тут дело. Опять же, природа и погода влияют. Светлана порой наблюдала, как плачут туристы: горько и навзрыд. Да уж. Люди, возможно, всю жизнь деньги копили, мечтали. И вот на тебе! Она им вынуждена указывать рукой на белое облако: «Вот здесь находится Фудзи».

Светлана, поеживаясь, вбежала в автобус. Как же она замерзла! Ветер сбивал с ног. Для Фудзи это было обычное дело. Холодно и темно. На месте туристов она не вылезала бы из автобуса. Совершенно дурацкие мысли! Она зарабатывает деньги именно потому, что туристы из автобуса выходят и на ту самую гору смотрят. Все же выходят или вылезают? Откуда у нее вдруг это словечко? Ах да, у Константина Симонова прочитала. Как раз про японскую поездку. Вылезли из поезда, залезли в самолет. Может, в то время такие поезда и самолеты были, что туда именно залазить и вылазить нужно? С трудом. Она представила высокого Симонова, военную форму, тяжелый кожаный плащ, сумку из такого же материала на длинном ремне через плечо. Да. Точно залазить!

Как хорошо, что она сегодня захватила теплый жилет. Светлана давно уже определила свой стиль как спортивный. Это японки пусть наряжаются. Ей не до того. Легкие кроссовки, полотняная сумка. Ничто не имеет веса, отсюда и легкая походка: и не так тяжелы километры, которые она накручивает с туристами за день.

Она заходила в автобус последней. Специально еще постояла минут пять, вглядываясь в кромешную темноту. Так положено. Хоть она и предупреждает о том, что никто и никого не ждет, но пока такого не было. Но она всегда боялась.

Боялась и ждала, что когда-нибудь это случится. С этой группой сразу возникло внутреннее напряжение. Она пыталась понять, от кого оно исходит. Что с этими людьми не так? Вроде бы обычные туристы. В основном все парами. Но пары все какие-то хмурые: в себе и закрытые. Никто из пар не познакомился друг с другом, никаких компаний не сложилось. А ведь их поездка подходила к концу. Она видела эту группу в самом начале. Потом они уехали колесить по стране, а сейчас закачивали свой тур опять с ней, на Фудзи.

А эти просьбы притормозить и побыть у леса Дзюкай? На нее тогда повеяло реальным холодом. Она поняла: в группе есть человек, который готов остаться. Но она сказала себе: «Это не твое дело. У тебя есть инструкция. По инструкции ты можешь этого не делать». Она всегда мысленно прощупывала группу и делала остановку у Дзюкай только тогда, если была абсолютно уверена, что ничего не случится. Подъезжая к лесу, осознала: нет, нельзя. Просто по ощущениям. Кто-то из группы всерьез интересовался лесом самоубийц. Но они проскочили. Она даже обрадовалась, когда увидела, что кто-то не стал выходить на Фудзи из автобуса. И все же они странные. В такую даль ехать и в итоге не выйти из автобуса.

Светлана, не закрывая за собой дверь, по привычке улыбнулась, слегка поклонилась водителю и начала пересчитывать людей и слегка продвигаться по салону. Группа немаленькая. Ровно двадцать два человека. Хорошо, что все взрослые и разумные. А ведь бывает, что приезжают с крохотными детьми. Ни о себе не думают, ни о детях, ни о других туристах. Про экскурсовода таким уж и совсем неинтересно. Зачем про них думать? Экскурсоводы – обслуживающий персонал.

Вадим приобнял Лизу.

– Замерзла? Ты довольна?

– Да. И в основном тем, что ты все-таки вернулся!

– Ну ты даешь! Куда бы я делся?

– У тебя был какой-то заговорщицкий и одновременно отстраненный взгляд, когда ты понесся вверх по лестнице.

– Да ладно. Но, знаешь, я очень благодарен тебе за эту поездку. Даже не ожидал, что пойму для себя что-то настолько важное.

– А я все-таки ожидала другого. Смотри, опять считает. Как в детском саду.

Вадим замотал шарф вокруг горла, пытаясь согреться, и подумал: «Скорее бы вернуться в отель!» Поскорее все равно не получится. В лучшем случае часа через полтора, а то и два.

Как интересно она все же считала людей! К каждому поворачивала ребром ладошку. Ах, ну да! Не пальцем же тыкать. Приличная, стало быть, женщина. Интересно, сколько ей лет? Что она про себя рассказывала? Что она здесь уже девятнадцать лет? Получается, лет сорок. И его Лизе сорок. Лиза выглядела по-другому. А эта Светлана, наверное, моложе. Но Лиза ухоженная, красивая.

Автобус начал медленно двигаться с места.

Это произошло совершенно неожиданно. Резко остановился автобус, потом громкая японская речь Светланы, обращенная к водителю. А дальше по-русски.

– Где Рита?! Маргарита?! Да проснитесь же вы! Где она? Кто ее видел на Фудзи? С кем она ходила?

Пассажиры автобуса мгновенно проснулись, стали подниматься с мест, оглядываться по сторонам. В автобусе включился верхний свет. Маргариты не было.

Москва

Вадим

Двадцать лет – это очень большая разница? Больше тут плюсов или минусов? Вопрос, с которым Вадим жил постоянно. Все последние семнадцать лет. То казалось, что все идеально. И именно от Лизы он напитывается энергией

молодости, именно от нее брал всю свою жизненную силу. А иногда было совершенно наоборот. И казалось, что постарел он в последнее время от ее неуемной активности. Ему бы полежать, поспать часок-другой, а тут: несись туда, несись сюда. Примирял их со всеми недоразумениями Артем. Их Темыч. Глядя на сына-подростка, Вадим забывал и про возраст, и про разницу, и про то, что люди скажут. Он обожал сына, и тот платил ему тем же. Сам Вадим не помнил свои отношения с отцом. Его не стало, когда мальчику было четыре года. Что он там мог помнить? Наверное, и его собственный ребенок таким поздним получился из-за того, что Вадим себя в этой роли никак не представлял и не видел. И заявление Лизы, что «рожать она будет, а если он против, то и ладно», скорее испугало, а не обрадовало. Но она тогда добавила, что рожает потому, что любит.

Помнится, тогда он опешил. Обычное дело – роман со студенткой. Сначала ему казалось: ничего не обещающий. Проходной. Вадим уже привык к своей холостяцкой жизни, и она его полностью устраивала размеренностью. Он был педантом во всем и не хотел ничего менять. Но в какой-то момент он понял, что Лиза – другая. И отношение у него к ней иное. Только вот решение всегда должен принимать он сам. А тут его вроде как поставили перед фактом. Он тогда довольно быстро вышел из ступора и промямлил, что польщен и ему приятно, что она его любит и готова сама взять на себя всю ответственность. Но ему нужно было время. И он просил разрешения с этой мыслью свыкнуться. Он даже взял неделю за свой счет в институте. Благо время было не горячим, ректор, вздохнув, отпустил.

Вадим неделю лежал на диване и смотрел по сторонам. Да. Квартира пятьдесят шесть метров. Для одного – вполне нормальная квартира. Две комнаты, большая лоджия, достаточно современная кухня. И вот придет еще один человек. На какое-то время. А потом, стало быть, еще один. И все на эти самые пятьдесят шесть метров. Ему сорок четыре года, он занимался наукой и, как правило, работал по ночам. А по утрам пил кофе. Причем в определенное время и определенной температуры. Для него было настоящей проблемой, если кто-то вдруг позвонит во время его легкого завтрака. После разговора кофе уже остыл. И как теперь быть? Он выливал тот, что собирался пить, и варил новый, пытаясь взять себя в руки и сказать, что ничего страшного не произошло. И двадцать минут у него всегда в запасе на экстренные ситуации. В жизни он любил четкость. Все должно быть спланировано. Он не против перемен! Но согласно плану.

Это что же получается? Придется двигать мебель? Или, еще чего не хватало, убирать диван? Ну это совершенно невозможно. Диван был из прошлой жизни. Его покупала еще бабушка. Синий, с ручками из натурального ореха. И, кстати, невероятно удобный. И потом его спальня? У него достаточно узкая кровать. Ее тоже нужно будет менять. И потом балкон. Его просторная лоджия. Да, это очень важно. У него на балконе журнальный столик и кресло. Место для курения. Неужели и этого он мог теперь лишиться?

Вадим вздыхал все тяжелее. Он и сам понимал, вопрос не стоял, что отвечать Лизе. Он планировал свою новую жизнь. В голове все же мысль одна. Как порядочный человек он должен. К сорока годам такая ситуация произошла с ним впервые.

Еще немного полежав на удобном синем диване, он позвонил маме.

– Белла Павловна? Как вы?

– Да ничего, все в норме, Вадя. А к чему такой официоз?

– Хотел сделать тебе предложение.

– Любопытно. Ты приглашаешь меня в консерваторию?

– Если ты хочешь, то в консерваторию я тебя бы тоже пригласил, а сегодня я готов наконец поменяться с тобой кроватями.

– Господи, не верю своим ушам. У тебя появилась девушка!

– Да, – вздохнул Вадим. – У меня вдруг появилась беременная девушка.

– Ох. Вдруг такие вещи все же не происходят. Ты меня огорошил! Подожди, я приеду.

– Ни в коем случае. Я пока еще ничего не решил. Я просто размышляю. И должно сойтись несколько факторов.

– Например, согласна ли я поменяться кроватями?

– Между прочим, и это тоже.

– Хорошо, хорошо, я согласна. Считай, один вопрос ты уже решил. А дальше. Кто она? Что? Естественно, она твоя студентка из общежития.

– Вы очень проницательны. Она аспирантка из общежития. Это лучше?

– Ненамного. Еще какая информация?

– Звать Лиза. Понимаешь, я как-то не очень вникал.

– Так, может, лучше все же вникнуть, чем лежать на диване и звонить мне?

– Ты мне близкий человек?

– Да.

– Тогда ты меня сейчас выслушаешь, а больше я про это уже ничего рассказывать не буду. Но могу же я немного покапризничать, или ты мне не мать?

– И я тебе мать, и капризничай, конечно… На то мы матери и есть. И все же крепко подумай. Хотя ребенок – это счастье. В любом случае.

Ровно через неделю он представил Лизу матери.

– Милая, а вы совершенно очаровательны… – говорила будущая свекровь, разражаясь счастьем.

– Белла Павловна, Лиза подумает, что вы готовились к чему-то худшему.

– Деточка, не обращай внимания на этого дурака. Плевать на то, что он мой сын. У меня наконец-то появилась единомышленница. Если женщина есть в коллективе, она горы свернуть может.

Семейный обед был по всем правилам. С пирогом и вареньем.

На прощание уже целовались, и обе женщины всплакнули. Надо же, как быстро они нашли общий язык, подумал Вадим. Главное, чтобы мать сумела направить мысли Лизы в нужное русло и обрисовала характер и привычки Вадима в общих чертах. Или ладно? Пора выбираться из скорлупы вечности? Сколько можно жить той старой историей? К тому же он почти молодой отец.

На шестидесятилетие Лиза подарила Вадиму тур по Японии. Ох уж эти женские подарки! Восток никогда не был его мечтой. Он был в Японии один раз: его пригласили в качестве консультанта-химика, и особого впечатления тогда страна на него не произвела. Лизу же его рассказ о Японии тогда почему-то потряс. И она начала мечтать о Стране восходящего солнца. Жена мечтала, а он регулярно отказывался. Дорого, и даже не это главное. Долго лететь. Непонятно куда, неизвестно зачем. Опять же неделей тут не отделаешься. И вот на тебе! Но, как говорится: дареному коню в зубы не смотрят.

Матвей

– Вставай, засоня! Восемнадцать лет бывает раз в жизни!

На самом деле Матвей уже не спал. Он проснулся с полчаса назад, вспомнил про день рождения и улетел мыслями в сторону Зиночки. Позвонит или нет? Ведь сегодня у него день рождения! Да, вчера расстались холодно. Девушка, как всегда, круто развернулась и удалилась, не попрощавшись. И что за человек? Вечно вот так на полуслове – раз, и привет. А он стой и думай. Что это было? Друг Григорий давно уже выдал свое резюме: «Раз непонятно, тут и понимать нечего. Не заморачивайся! Сколько можно находиться в вечном стрессе? Думаешь только о ней. Брось!»

– Думать?

– Зиночку брось!

Ну как ее бросить? Только от одних мыслей про Зиночку тепло разливалось по всему телу. И дыхание замирало. Как это могло быть? Когда одновременно и радость, и боль, и неуверенность, и такая сила внутри – готов горы свернуть. И

силы те давала Зиночка. Не будет Зиночки, где сил взять? Батарейка такая. Нет. Зиночку бросить никак нельзя.

Рядом с кроватью строем стояла вся семья. Улыбающиеся родители: мама в халате, папа в тренировочном костюме и крошечный Федька, ясное дело, ничего не осознающий еще в ночной пижамке со смешными медвежатами. Он улыбался за компанию.

Родители хором спели:

– Хэппи бездей ту ю!

Какие они у него все же классные! Молодые, активные, красивые, еще вон и братишку ему заделали. Федор, чтобы не отставать, издал воинствующий клич. Мол, тоже спел. Родители благосклонно погладили малыша по пушку на голове.

– Милый наш, дорогой Матвей, – начала мама. – Мы тебя очень любим. И бесконечно гордимся. Мы надеемся, наш подарок тебе понравится.

– Маэстро, туш! – присоединился отец.

Мама мгновенно подхватила:

– Та-та-та!

И в руках Матвея каким-то образом очутился конверт.

– О! Сюрпризики!

Он с любопытством заглянул внутрь. Пачка красивых цветных бумажек выпала на кровать. Он понял все сразу и аж задохнулся от радости.

– Япония! Что это? Как?!

Матвей мгновенно вскочил с кровати. Так и стоял в боксерках и со всклокоченными волосами, разглядывал авиабилеты.

– Да! Ты едешь в Японию! В конце октября! Сезон красных листьев.

– Подождите, подождите. То есть как же? Нет, но это же денег тонна.

– Ну, у нас всего лишь один старший сын. И он с детства бредил Японией. Сакура – действительно неподъемная по цене. А осенью вполне даже возможно. Опять же ты знаешь нашего папу. Он получил хорошую скидку.

– Но а как же вы, а? Получается, что я еду туда один, да?

– Выходит, что так. Но ты же взрослый! Когда-то нужно начинать. И Федька точно такой перелет не выдержит. Да и наш бюджет тоже. Но ты же будешь нам слать фотографии без перерыва!

– Ну даете, вы – лучшие родители на свете!

Он выхватил Федора у отца из рук и закружился с ним по комнате в ритме вальса.

– Япония! Я еду в Японию. Федька, ты веришь?

Отец незаметно обнял маму. Как же приятно делать такие подарки! Как вымахал их старший сын!

Уже по дороге в университет Матвей поймал себя на мысли, что ни разу не вспомнил про Зиночку. А может, прав друг Григорий? На фига она ему сдалась? Не зря говорят японцы, что главное у человека находится не в сердце, а в животе. Что там в этом сердце? Одни переживания. А живот – это жизнь. И ради какой-то там Зиночки он никогда сеппуку делать не станет.

В вагоне метро он опять достал из рюкзака программу тура. Невероятно! Семь городов, ночь в монастыре. И… Фудзи-сан! Этого просто не могло быть!

Инесса

– Мама, ты только что вернулась из Китая.

– Побойся бога, я была там летом.

– Ну! А сейчас осень!

– И что? Для матери жалко?

– Ты знаешь, мне для тебя ничего не жалко. Дело не в том, но перелеты… Это же вредно для здоровья.

– С чего это ты вспомнил про мое здоровье? Когда меня в эту трущобу переселял, чего-то про здоровье не думал. Живу, как последняя сволочь в этом засранном доме!

– Господи, о чем ты говоришь? У тебя рядом парк. И чудесный рынок. Ты хотела и дальше жить в коммуналке?

– Про кладбище забыл! Ты на эту коммуналку две квартиры купил, не забывай! На мои кровные метры! Хорошо, отец не дожил.

– Мама, во-первых, на тех кровных метрах прописаны мы были все вместе, во-вторых, две комнаты получил отец на службе, ты же никогда не работала. Но это и не важно. Мы эту квартиру выбирали с тобой вместе. Сколько вариантов мы отсмотрели? Сто?

– Вот! Если бы сто! Согласились на тринадцать! Мне сразу то число не понравилось.

– Да. Это был единственный недостаток.

Инесса Васильевна тяжело вздохнула. Куда-то она разговор завела не туда. Она ж про Японию сына вызвала. Еще она немного так поскрипит и прямиком отправится на Селигер. В палатку. Хорошо еще противная невестка не в курсе, что ее безумные поездки оплачивал сын. Он ей лепит, что у мамы деньги, мол, от отца остались. На них и катается. Да! Каталась и будет кататься, и нечего тут ей на возраст указывать. Шестьдесят пять лет – это вообще не возраст! Это, можно сказать, расцвет. Она еще им всем покажет. Она еще замуж выйдет. Да. За иностранца! Вот за японца и выйдет.

– Короче. Что мы все про эту квартиру? Лучше подумай про Японию. Я там про сакуру прочитала. Мне подходит. Вон прямо распечатала. Но до сакуры ждать полгода. А если осенью ехать, вроде тоже красиво. И горящие путевки. Ну что тебе, жалко для матери, что ли?

– Да не жалко мне! О тебе же думаю!

– А если думаешь, я поеду!

И Инесса Васильевна с силой стукнула сына по груди пачкой бумаг.

Марго

Марго жила Японией с детства. Как и многие ее ровесники. Мультяшки, комиксы, манго. Она уже не помнила, когда впервые посмотрела «Мой сосед Тоторо», но лесной дух мгновенно стал ее самым близким другом. Совершенно другая культура стала ей ближе, чем происходящее на самом деле. Подростку такое невозможно принять, переварить без последствий. Не зря говорят психологи: все мы из детства. У Марго детство было – на три романа. Роман матери, роман отца и ее собственное видение ситуации. Отношения окружающих ее взрослых выматывали, невозможно было вечно слушать объяснения: «Ты уже взрослая, ты должна понять». Или: «Когда-нибудь, ты все поймешь сама». Она устала от объяснений, устала напрягаться, устала всем улыбаться. Легче было нырнуть в свой мир. Икудзо! Только вперед!

В какой-то момент она погрузилась в японский вымысел даже слишком глубоко. Мир вымышленный стал реальнее, чем мир, который вился вокруг нее. Но Марго это нравилось. Новые друзья, яркие события. Все просто и понятно. Как классно надеть наушники и зашагать с хохотом в компании японских подростков. Родители были не против увлечения девочки. Учится хорошо, с учителями, правда, ругается, но оценки приносит только хорошие.

В последнее время все изменилось. И даже Япония отошла на второй план.

В каком возрасте легче всего пережить предательство? Наверное, это от возраста не зависело. Ей казалось, что она приспособилась к постоянным

жизненным перезагрузкам. Но это было не так. Ее опять накрыло с головой. Как же она устала от постоянного вранья, от того, что никому нельзя верить. Сперва она думала, что мать ни о чем не догадывается. Вроде бы все было обычно, но, сняв наушники, она в очередной раз заметила ее заплаканные глаза и Феликса, который виновато теребил в руке вилку, ничего не ел, смотрел в сторону.

У них не могло сложиться с Феликсом нормальных человеческих отношений. Марго поставила барьер с самого начала, как только он появился в их жизни. В какой-то момент стена отчуждения могла разрушиться. Именно Феликс увидел ее способности к математике, именно он принял решение переехать в Москву. Нанял ей педагогов, сам с ней много занимался, даже Япония его заинтересовала. Да. Как говорится, от ненависти до любви… Этого не могло не произойти. В конце концов, она дочь своей матери, и в какой-то момент Марго очень четко поняла, что мать в нем нашла и почему бежала с тремя детьми от отца. Но девочка сумела поставить для себя запрет и окончательно ушла в себя. Она никак от них не зависела, ей для счастья нужна самая малость. Две пары джинсов, трое кроссовок, два рюкзака. Куртка зимняя и летняя, ветровка. Вот, собственно, и весь гардероб. Машины ей не нужно, квартиры тоже. Как только пойдет работать, снимет себе свой угол. В этом она не сомневалась. И все. Спать будет на полу, готовить на маленькой плитке.

Когда Марго поняла, что они могут развестись, мир перевернулся. Она не могла потерять еще одну семью! Почему-то выяснилось, что это важно. Почему вдруг? Ей двадцать. Она совершенно самостоятельна. Собственно, какое ее дело? Она уже два года вела совершенно автономную жизнь. И вдруг такие эмоции! Сама от себя не ожидала. Рыдала ночами в подушку, но поговорить с родителями так и не решалась.

Когда она совершенно неожиданно на двадцать первый день рождения получила такой роскошный подарок, не нашла ничего лучшего, чем сказать:

– Сбагрить меня хотите? Чтобы проблемы свои решить?

Феликс аж позеленел, а мать все так же понуро смотрела в пол. Марго подумала: еще немного, и ее слезы застучат по модному паркету французской елочкой.

– То есть ты не поедешь? – Феликс говорил резко. Желваки ходили на бледном лице.

– Я поеду, но если вы разведетесь, то я вскроюсь.

– Как это? – прошептала мама.

– Она шутит, – с нажимом сказал Феликс.

– Я не шучу.

Но на какое-то время дом снова превратился в тихую гавань. Они опять стали одной семьей. Марго сняла наушники. Мама улыбалась и с недоверчивой надеждой смотрела на Феликса. Он тихо накрывал ее руку своей и кивал. Мол, все будет хорошо. Верь. И они поверили обе. И надо же было как-то вернуться Марго домой раньше времени и услышать тот разговор по телефону. Феликс сказал всего одну фразу:

– Ничего не изменилось. Нужно просто подождать.

И сразу все рухнуло.

Она поедет в Японию. И у нее на эту поездку был свой план.

Рита

– Я так больше не могу.

Соня тяжело опустилась на диван.

– Она нас ненавидит.

– Ее можно понять.

– О чем ты? С какой стати?

– Пережить такой стресс.

– Мы всю жизнь на нее положили! Какой стресс?

– Я тут подумал, может быть, нам куда-нибудь съездить всем вместе?

– Я не могу, – быстро среагировала Соня. – У меня эфиры! Кто меня сейчас отпустит? Поезжайте вдвоем.

– В Крым?

– Ты что? Ты видишь, какая она, еще утопится! Нет!

– Соня, мне тоже тяжело, ее же надо развлекать, а я сейчас не смогу найти ни одного нормального слова.

– На экскурсию. Автобусные, знаешь, есть такие по Европе. Недели на две.

– А может, куда-нибудь в Азию? Я видел горящие туры по Японии. У меня премия сейчас приличная будет. Если ты, конечно, не против.

Соня напряглась: она была против, но видеть дочь в таком состоянии было еще тяжелее.

– А ты знаешь, это идея! У меня в эфире был один востоковед. Он говорил, что в Японии культ родителей, пожилых людей. Сын должен себя беречь, заботиться о своем теле, потому что ему нужно будет в какой-то момент заботиться о своих родителях в будущем. Вот такая философия.

– У них пожилые родители – это девяносто лет.

– У них пожилые родители – это от шестидесяти лет. У них там у всех счастливая старость. Это они сами с работой расстаться не могут. А так-то – отдыхай не хочу! Пусть она послушает, как у других бывает.

– А может, нам про это не расскажут.

– Так ты найди тур, где расскажут! Монастыри всякие!

Япония

Аэропорт Нарита

После такого перелета сложно сразу сориентироваться. Вадим перенес перелет достаточно неплохо. Может, потому что японские авиалинии? Японские стюардессы улыбались белозубыми улыбками и еду выдали заморскую и непонятную. Что-то между водорослями и мармеладом. И чай японский. И потом фильмы. Просто спасение. Три фильма – один рейс.

Вадим терпеть не мог летать. Боялся? Можно сказать и так. Никому в этом не признавался, даже себе, не хотелось быть слабым. Господи, опять подумал о молодой жене! С чего это в последнее время эти мысли все чаще приходили в голову? Он незаметно скосил взгляд на Лизу. Та на все смотрела широко раскрытыми глазами, пытаясь тут же запомнить каждую мелочь. Вот такого ребенка он в ней безумно любил. С умением радоваться, умением восхищаться самой крохотной детали. И не сомневаться. Ни в чем! Радоваться жизни здесь и сейчас. Счастливое качество. А если что не так: немедленно и безжалостно выбрасывать из головы. Вадим так не умел.

Он все обдумывал по сто раз, вникал, искал скрытые подвохи. Любые улыбки для него скорее были ухмылками. Вот, например, эти стюардессы? Зачем они им улыбались? Они же их не знали! Стало быть, не от души, а потому что так положено. Здесь еще и кланяются. В силу японского менталитета. Ох, принесла их нелегкая в такую даль! По мнению Лизы, естественно, в будущее и в сказку, а по разумению Вадима – просто в жизнь, которая к ним не имеет никакого отношения. И непонятно: зачем эту совершенно чужую жизнь впускать в свою? Хорошо Лизе, она сейчас налюбуется, потом все подробно и в красках расскажет всем знакомым. Где-то с полгодика еще будет гордиться, и потом рассказ тот уйдет куда-то в недра земли. Вадим не думал, что в недра памяти. А ему с этими знаниями жить всю жизнь. Переваривать, перемалывать. Такой характер. Такой склад ума. Ничего не в недра. Все тут, все на поверхности.

– Откуда ты про все знаешь? – удивлялась Лиза.

– Я просто помню. Ты это тоже учила в школе, но выбросила за ненадобностью. А я нет.

Паспортный контроль и таможню прошли достаточно быстро. Им все улыбались, периодически разбивали по разным очередям, брали отпечатки пальцев. И что сразу бросилось в глаза: они не проходили через какую-то одну очередь и барьер. Все было устроено так, что не было той самой границы. Шли себе по какому-то лабиринту. Там постоят, там поговорят, там что-то обсудят. Огромное количество японских работников, много из них молодежи, все сплошь в перчатках. Многие в масках на лицах. Про это давно известно: все японцы в масках. Про улыбку можно судить по глазам. Улыбающиеся глаза. М-да. Если человек улыбается, то он улыбается. И по телефону ведь чувствуешь: улыбается тебе сейчас человек или нет. Хоть ты его и не видишь.

Вадим был в Японии однажды с десяток лет назад. Его пригласила одна компания на переговоры в качестве эксперта-химика. Были они только в Токио. Всего-то три дня и с одной экскурсией по городу. Экскурсия, надо отдать должное, была на редкость фундаментальной и очень познавательной. Да и экскурсовод попался живой, неравнодушный. По приезде Вадим подробно поделился с женой впечатлениями. Немудрено, что Лиза загорелась поездкой. И ведь подала под соусом: ну ты же сам тогда сожалел, что не удалось по монастырям проехаться.

Ну что тут скажешь? Деньги все равно уже потрачены. К тому же они были целиком и полностью заработаны самой Лизой. Кто бы мог подумать, что тихая студентка в очках, вот так сразу решившая родить от него ребенка, в итоге добьется больших успехов в крупной консалтинговой компании, возглавит отдел и будет работать с большими химическим комбинатами? Ощущались в Лизе хватка и упорство. И некий авантюризм, который помогал ей двигаться дальше и не зацикливаться на неудачах.

– Что мы ищем?

– Должен быть встречающий. Вот, смотри. – Лиза достала распечатанную памятку с их маршрутом. – Написано: водитель – японец с табличкой. На табличке ваше имя.

– То есть нас отдельно будут встречать? Индивидуальный трансфер ты заказала?

– Я уже не помню, что я заказывала. Полгода назад было. Они мне буквально пару дней назад прислали программу. Я толком и не прочитала.

– Хорошо. А договаривалась-то ты как?

Лиза занервничала. Вадим попытался было поставить жене на вид ее удивительную безалаберность. Он любил «ставить на вид». То есть указывать, где была конкретная ошибка. «Какой ты все-таки зануда», – периодически шипела на него мать. «Ну почему зануда? Просто в делах должен быть порядок, так легче жить», – отвечал Вадим.

– Как-как? – повысила голос Лиза. – Давно же было, говорю. Как-то договаривалась. Ладно… Что уже говорить. Ищем японца!

– Да, японца тут, конечно, найти непросто.

Он видел, что Лиза нервничала. Действительно, где тут найдешь японца среди огромной толпы японцев? И как понять, что он водитель? Лиза начала бегать от одного японца к другому, пытаясь рассмотреть, что написано на табличках. Встречающие японцы, так прямо скажем, не очень жаждали встречи со своими гостями. Они весело общались между собой, опустив таблички, и туристы, сновавшие вокруг, вынуждены были порой приседать, чтобы прочитать свои фамилии. Фамилии «Коновалов» не находилось.

– И что? – В Вадиме порой просыпался страшно вредный человек. Мать права.

– Что-что… Сама не знаю!

– Ну, может там телефон есть?

– А ты сам посмотреть не можешь?

– Давай, – снизошел Вадим. Ему вдруг безумно стало жаль Лизу. Вся красная, уже и слезы в глазах. И чего он к ней пристал? Они уже на месте. Как там Будда

говорит? Самое главное – спокойствие? Или это не он так говорит? Но слова верные. Однозначно.

– Подожди, мне кажется, вот этот. Новенький бежит. У него только что-то на бумажке целый список. – Лиза издалека пыталась рассмотреть фамилии.

– То есть у нас группа?

– Ой, не знаю, отстань… – И Лиза рванула к небольшому кривоногому японцу в бежевых брюках, синем пиджаке, белой рубашке и в галстуке. Он утирал пот со лба каким-то листочком, исписанным мелкими буквами.

– Коновалов! Коновалов! – Лиза начала с места в карьер. Да, это у нее получается. Она умеет тут же и без лишних слов. Сразу про главное. И сразу с напором.

Японец нацепил очки и стал водить пальцем по списку.

– Ес! Коновалов. – И сделал двумя руками знак с поклоном. Мол, вам сюда. Встанете здесь.

К японскому мужику уже бежали другие неяпонцы со своими бумажками.

– Нас еще посмотрите. Антоновы мы. Данилевич.

Японец всех находил на своей бумажке и выстраивал в уголок. Один раз улыбался для каждого, а потом надевал на лицо непроницаемую маску самурая.

Лиза затихла. Выяснилось, что тур совершенно не индивидуальный. Пока в углу толпились шесть человек. Оставалось только ждать дальше. И сколько еще народу в этом чудесном списке?

Вадим еще раз попытался расстроиться и, возможно, даже поставить жене что-нибудь на вид, но опять вспомнил про Будду. Ну что же делать? Они уже здесь. Двенадцать часов отлетали. Не обратно же ехать? Вдруг это просто трансфер до отеля? Японцы же. У них все просчитано. Отвезут в отель, а там все разбредутся по своим маршрутам. Главное, это как-то до того отеля добраться. Сказывались

бессонная ночь в самолете и разница во времени. Хотелось уже вытянуть ноги и немного полежать.

В самолете Вадим подробно изучил программку, которую распечатала Лиза. У них сегодня экскурсия начинается в пять вечера. Прилетели они в десять утра. Как хорошо, что никуда сейчас идти не нужно. Можно просто отдохнуть, чтобы потом с новыми силами погрузиться в Японию. Грамотно. Очень грамотно! Он постарался расслабиться и посмотреть по сторонам. Японские таксисты по-прежнему веселились между собой. Рядом с ними метались туристы с европейской внешностью, пытаясь найти своего японца и как-то запомнить его внешность. Да уж. Задачка. А говорят, что мы для них тоже все на одно лицо. Вот ведь интересно получается!

Аэропорт ничем особенно современным не отличался. В свой первый приезд Вадим вообще не успел ничего заметить. Тогда их встретили и тут же проводили к машине. «Мерседес» вез их долго и нудно по страшным токийским пробкам. Вадим надеялся, что сегодня пробок не будет.

Серый аэропорт, на стенах которого мелькала в основном реклама унитазов. Ну да, это понятно. Все после поездки в Японию первым делом восторгаются унитазами. Еще и стройка кругом. Ах да, олимпиада же, японцы не должны ударить в грязь лицом. Вадим вспомнил, что они вот так же перед олимпийскими играми были в Афинах. Буквально за пару месяцев. Весь город стоял в траншеях, как перед войной. Удивительное рядом! К открытию все было идеально. Что уж говорить про Японию? Японцы снова готовятся удивить мир.

Они стояли маленькой кучкой соотечественников, не очень понимая: им уже нужно начинать знакомиться, или это далеко не обязательно? Лиза попыталась улыбнуться мужу. Вроде бы Вадим успокоился. У нее действительно сердце ушло в пятки, когда она поняла, что таксиста поблизости не видать. Ну что делать? Тур она проплатила давно. А когда выбирала, так радовалась, что в детали особо и не вникла. Тогда думалось про то, чтобы денег хватило. И про то, что денег тех очень жалко. Лиза больше всего обрадовалась, когда мужу подарок по душе пришелся. Мог бы ее с этим самым подарком и развернуть. Вадим мужик прямой. Интеллигентный, но прямой. Так бы и сказал, долго вздыхая и откашливаясь: «Я, конечно, тебе благодарен. Нет, ну то есть очень прямо благодарен, но ты уверена, что это нам нужно?» К счастью, подарок он принял с широкой улыбкой.

А потом Лиза как-то закрутилась, завертелась, неделю назад вспомнила, что и программы никакой нет. Даже хотела в офис турагентства подъехать и все подробно разузнать. Но в турфирме заверили: не волнуйтесь, все пришлем. И ведь прислали. Все красиво. Ну, она и успокоилась. Вот билеты. Вот ваучеры. Лететь двенадцать часов, все можно прочесть. Но в дороге программку забрал муж. Она думала, тот все узнал. Ну ведь какой все же вредный! И теперь стоит себе спокойно. Господи, ну кого еще ждем?

– Мужчина, – громко спросила у японца статная пожилая дама с седой гулькой на голове из их могучей кучки. – Мы еще тут долго стоять будем? Уже лечь хотелось бы. Прилечь, говорю, в гостинице. – Женщина жестами начала демонстрировать, как она будет ложиться. Руки под голову сложила и ноги в коленках согнула. Японец оказался понятливым.

– Ес, ес… – И показал на список. Все вытянули шеи, вглядываясь в написанное. У японца в списке был полный порядок. Все обведено желтым маркером, но кое-какие фамилии еще были не отмечены.

– Так, у меня очки в рюкзаке. Снимать, говорю, рюкзак неохота. – И она постучала себя по спине. – Че он там талдычит? – Она развернулась к Лизе.

– Вроде не все еще пришли. Ждем кого-то.

– Так уж полчаса ждем. Может, пойдем? И что за люди? Почему мы обязаны их ждать? Это мы теперь их все время ждать должны? Пойдемте уже! – последнюю фразу она крикнула для японца.

– Ноу, ноу! – Несколько раз, улыбаясь, поклонился японец и опять превратился в самурая.

– Ну, как знаешь. Меня зовут Инесса Васильевна. Можно просто Инесса.

– Лиза, а это мой муж Вадим.

Сбоку подошел парень. Он не представился, но Лиза заметила его еще в аэропорту. Того провожали до самого паспортного контроля родители. Молодые, модные, симпатичные. Она обратила внимание на маму. В черном тренче,

мокасины на босу ногу. Периодически гладила парня по плечам. Лиза была уверена, что они летят вместе. А потом оказалось, что его провожают. Надо же, как приятно. Вместе приехали своего мальчика проводить. Сколько ему? Лет восемнадцать. Потом, взявшись за руки, все махали ему.

– Куда ты все смотришь? – одернул ее муж тогда на паспортном контроле.

– Так. Интересно. Провожают.

– И что?

– Сегодня редкость. Никто не провожает. Никто не встречает.

– Да, ты права. А раньше принято было. На вокзале, в аэропорту. С букетом цветов. Да, ты права. Они молодцы.

Паренек улыбался какой-то своей внутренней улыбкой. Думал о чем-то и не обращал внимания на суету Инессы. Та поворачивалась во все стороны, постоянно задевая соседей огромным рюкзаком.

В руках женщина держала увесистую дорожную сумку. Она то поднимала ее, то ставила на пол.

– Парень, а ну-ка подмоги.

Лиза – мама мальчика. А мама мальчика отличается от мамы девочки. Ей всегда мальчика жалко. Например, сейчас перед ней стояла пожилая женщина. Она попросила помочь молодого парня, который, кстати, тоже был с рюкзачком за спиной и небольшим чемоданчиком на длинной выдвижной ручке. Что такого, почему не помочь?

Но с другой стороны… С какой стати? Лиза сама никогда никого не напрягала и не любила, когда напрягают других.

Она это называла: осчастливить человека чужими руками. Вот почему женщина не взяла чемодан? К чему все эти рюкзаки и сумки? Почему кто-то должен за нее их носить? У каждого своя жизнь. Люди же на отдых приехали, а не носить вещи

Инессы. Ну и просто жалко было паренька. Да, она, конечно же, мама мальчика.

– Нет, ну сколько можно ждать?

Николай стоял рядом с туалетом, а Рита все не выходила. Наконец девочка появилась. Голова опущена, длинные кудрявые волосы спутались после полета. Отец взял дочь за подбородок и убрал волосы с лица.

– Ну что ты? – Глаза девочки распухли, было ясно, что плакала.

– Я не знаю, как мне с этим жить, мне теперь эта жизнь непонятна, как будто она мне и не нужна теперь… – Рита опять разревелась.

Мужчина быстро прижал ее к себе.

– Это ты брось! Все будет хорошо. Обещаю тебе. Верь мне. Мы вместе. И мама с нами. Ты такая красивая, такая умная, у тебя еще вся жизнь впереди. А сейчас давай настроимся на Японию, на красивые сады, на совсем другую жизнь. И мы же поедем к монахам. И мы обязательно поговорим с ними. И обо всем еще и там попросим. Они нам помогут. Я много об этом читал. Они помогают всем хорошим людям. А ты же хороший человек?

Рита слабо улыбнулась.

– Не знаю. Наверное…

– Ну, тогда бежим!

– Да вон они, бегут!

Взявшись за руки, к ним бежали двое. Молодой подтянутый мужчина и белокурая девочка лет двенадцати.

– Извините. Мы Селиверстовы. Николай и Рита.

Японец поклонился, взял чемоданчик у девочки и, указывая путь рукой, побежал, покатив чемоданчик за собой.

Группа, едва поспевая, кинулась за японцем. Первой бежала Инесса.

– Парень, сумку не забудь. Ишь ты, извините. Тоже мне… «Папа Риты».

Кличка мгновенно приклеилась. Все десять дней их так и будут звать. Рита и папа Риты.

Гиндза

Токио встретил российских туристов проливным дождем. Ветер, неприятная морось, серое небо. По прогнозу погоды дождь обещали только на первый день, все остальные дни – солнце. Дай-то бог. Или тут уже Будда?

– Вадя, а Будда – это как наш Бог?

– Ну он Бог, но он вроде бы человек. Он всегда среди нас, внутри нас. То есть Будда – это скорее философия. Я не очень-то разбираюсь.

– Ну ты же вроде Ницше читаешь.

– Думаю, что здесь мы во всем как раз и разберемся.

Вадим улыбнулся Лизе.

– Я благодарен тебе за эту поездку. Я вдруг понял, что мне все это очень интересно.

– А я удивляюсь, что это ты не возмущаешься особо? Оказывается, ты понял, что это совсем даже не плохо.

– И перелет позади, если уж начистоту.

– И перелет позади. А десять дней одной Японии впереди! Ура!

Их гостиница располагалась рядом с самой известной улицей Гиндза. Лиза об этом знала, но сейчас ничего не радовало. Усталость, дождь, хотелось в гостиничный номер. Их микроавтобус, статусный черный «Мерседес», остановился у небоскреба. Водитель сказал по-английски:

– Седьмой этаж. Вам нужно ехать на седьмой этаж.

Как смешно они говорят по-английски! Как будто по-японски. Но понять можно. Это весь небоскреб гостиница, что ли? Ах, нет же. Рядом с каждой кнопкой лифта – иероглифы, иероглифы. Видимо, тут если и гостиница, то не одна. Нужно не забыть, их этаж – седьмой.

Группа поднялась на двух лифтах к месту нахождения отеля. Длинная стойка, за ней человек пять японцев синхронно и достаточно холодно им улыбнулись, синхронно поклонились и попросили паспорта. В холле гостиницы не было ни одного кресла или дивана. Абсолютно пустое, но достаточно большое помещение. Одна стена полностью стеклянная, рядом с ней искусственное дерево в желто-красных листьях, видимо, указывало на сезон, чтобы человек не запутался. Вышел из номера отеля, кто его знает, что там на улице: зима, лето, а тут посмотрел на дерево… и все ясно! Ба! Так сейчас же осень! Сезон красных листьев! Посередине помещения – какая-то инсталляция, обрамленная в гранитный полукруг. Наверное, этот полукруг и был диваном. Лиза со смехом комментировала увиденное. Главное, они на месте. Молодцы японцы! Дерево, вид из окна. Посередине – вот это «не понять что». Или это отель для молодоженов? А им зачем по сторонам глядеть? Увидел инсталляцию и бегом в номер. Из номера вышел, по дереву определил, что за окном, и дальше побежал. Что еще нужно?

Уставшие туристы присели на холодный камень, пока японцы дотошно рассматривали каждый паспорт, показывали друг другу. Когда очередной паспорт попадал в руки пятого японца, он бежал с ним за загородку и выбегал еще с одним японцем, который что-то короткими предложениями объяснял работникам. Те кивали с удивлением и с благодарностью. И так по каждому паспорту. В итоге один из работников вышел из-за стойки ресепшен, поклонился и начал раздавать бирки на чемоданы.

– А номера?

– Заселение с 14.00.

– Сейчас одиннадцать утра. Может быть, хоть какие номера готовы?

С улыбкой и поклоном ответил:

– Заселение с 14.00.

Тут уже не выдержал Вадим:

– Но ведь возможно, что номера будут готовы раньше?

Японцы улыбались и совершенно не понимали, о чем говорят эти люди. А русские люди не понимали их. И только потом до всех дошло. Те номера, наверное, уже и готовы. Только какое это имеет значение? Если заселение в 14.00? Никакого…

Долго клеили бирки на чемоданы. Сотрудники отеля вдвоем, иногда втроем, отвозили их куда-то.

И факт оставался фактом. Придется гулять под практически проливным дождем. Группа была несколько обескуражена. Где-то нужно взять силы. А еще зонтики.

– Так, зонтики? – вопросительно посмотрел на Лизу муж.

– У нас есть. Два, – откликнулась Лиза. – И попроси у них карту. Будем гулять.

На выходе из отеля им улыбнулась милая пара.

– Вы русские? – спросили они на их родном языке. – Наверное, мы из одной группы.

– Да, русские. Нет, что вы, у нас совершенно другая группа.

И, раскрыв зонты, Вадим и Лиза отправились исследовать самую известную улицу Токио.

Гиндза. Знаменитая торговая улица Токио. Во всех путеводителях упоминалась именно она.

– Я читала, что в переводе Гиндза – это серебряный цех. Наверное, здесь ювелиры раньше жили? И совершенно точно, что здесь был монетный двор, выпускавший серебряные монеты. Ну да, все сходится. Покупали монеты, ковали из них украшения. Продавали, вот тебе и история улицы. Пошли искать знаменитый магазин «Вако» с курантами Хаттори. Их построил основатель компании Seiko. На фотографиях выглядели впечатляюще и совершенно выбивались из всей архитектуры.

Проливной дождь, вода под ногами. Неизвестно, куда было смотреть: по сторонам или под ноги. Хоть запасная обувь в чемодане и присутствовала, но как-то сразу начинать с мокрых ног не хотелось. В голове шумело, магазины не вдохновляли, хотелось только одного – спать. Ну и немного есть.

Как можно рассматривать город в дождь? В проливной дождь? Ох и хитрые же эти японцы, у них практически все зонты прозрачные. Это ведь как удобно.

Лиза периодически опускала свой зонт, чтобы посмотреть наверх, дотянуться взглядом до верхушек небоскребов.

– Смотри, все здания разные. Никакой концепции. Понатыкано без разбору. Цвета разные, материалы разные.

– Мы в прошлый раз тут были в хорошую погоду. Тогда у меня как раз сложилось впечатление чего-то радостно блестящего, металлически стеклянного.

– Ну и где? Где это все стеклянное? Есть, конечно, но как-то все без общей концепции.

– Ты просто устала. – Но в душе Вадим был согласен с женой. И правда не было красивого проспекта. Пестрящая витринами улица с разновеликими небоскребами. А вот и знаменитые часы. И тоже здание как будто неизвестно,

как сюда попало. Необъяснимо неуместное!

Они забрели в какой-то торговый центр, поднялись на самый последний этаж. Понятно, что этаж был посвящен еде. И как разобраться?

В прошлую японскую поездку Вадима за руку водил гид. И по этой самой Гиндзе в том числе. Но как тут все упомнить? И лет прошло немало, и информации море.

– Что ты ел в прошлый раз?

– Угря.

– Вкусно?

– Божественно!

Они зашли в небольшой ресторан, который им показался симпатичным, заказали блюда по картинке.

– Наш гид в прошлый раз сказал, что тут вся еда вкусная и очень качественная. Не важно, какой ресторан, не важно, что заказывать.

– Ну да, но все же хотелось бы понять, что ты ешь.

По-английски персонал ресторана разговаривал туго, но еду им все-таки принесли. В итоге все оказалось совсем не так. И достаточно дорого. Но опять же от усталости они мало что соображали.

А потом пытались гулять по мокрым улицам. Вадим больше смотрел на дома, ему почему-то совершенно не мешали дождь и зонтик. Может, он был уверен в своих горных ботинках? И куртка непромокаемая. Он видел, как напряжена Лиза, как ее все раздражает. Вот вроде и моложе, позитивная всегда, а какой-то дождь полностью выбил ее из колеи.

– Все, не могу больше по улицам ходить. Давай в этот магазин зайдем?

Магазин был посвящен бумаге. Ну это же надо! Одиннадцать этажей бумаги. Первый этаж – открытки, второй – календари, третий – блокнотики… И так далее. И на каждом этаже какое-то удивление, что-то яркое, новое, необычное. И не сказать, чтобы они были поклонниками закладочек, но эти разноцветные бумажки их буквально загипнотизировали.

– Ну что, я готова выпить кофе с десертом. Ты как?

– Я только «за».

В кафе Лиза выбрала себе десерт, и официантка отказалась принести ей кофе. Просто наотрез. На ломаном английском женщина пыталась объяснить, что этот десерт обязательно нужно запивать зеленым чаем.

– А если с кофе?

– Нет, кофе сюда не подходит. Вы испортите весь вкус. Он потеряется.

– Ну, хорошо, несите чай!

Они неторопливо ели странную и совершенно непонятно сделанную еду: не то водоросли, не то мармелад. Все как-то попахивало рыбой. Вид из окна открывался на Гиндзу. По проспекту бесконечной толпой шли красивые люди. Почему красивые? Необычно одетые. Каждый в чем-то своем, каждый не похож на другого. Мужчины с крашеными волосами, женщины в шляпках ретро: все улыбались и радостно беседовали друг с другом.

Лиза почему-то думала, что японцы молчуны, все в себе, ходят с калькуляторами, смотрят в пол. Таким она себе нарисовала этот народ в своем воображении. Нет, тут все заинтересованно глядели по сторонам, били друг друга по плечам, хохотали.

– Надо же, какие жизнерадостные.

– А почему им не радоваться жизни? У них все хорошо. Уверенность в завтрашнем дне.

В углу сидела пара подружек. Лиза залюбовалась, глядя на них. Две женщины лет сорока что-то подробно и откровенно обсуждали. Может, мужей? Или детей? Свекровей? И при этом они так смеялись, ну просто чуть со стула не падали. Симпатично одетые. Шикарные черные волосы. Далеко не красавицы, но очень уверенные в себе. Женщины, совершенно лишенные комплексов.

Как же хорошо, что кафе располагалось на втором этаже. Вся Гиндза как на ладони. Пусть хмурая, в зонтиках, но все равно, наверное, это правильно начать знакомство со страной вот с такого взгляда со стороны. Даже сквозь пелену дождя.

– Посмотри, – Вадим кивнул на лестницу.

– Ритин папа. Пригласим за столик?

– Почему нет?

Лиза тут же замахала руками. Кислое лицо испарилось. Удивительное качество, которым всегда восхищался Вадим. Или все же возраст? Опять мужчина подумал про возраст. Он физически ощущал неуемную энергию жены и понимал, что не соответствует. Ему все стало лень. Даже эта японская поездка повергла его сначала в шок, потом он распсиховался. Было ощущение, что его обвели вокруг пальца. Он просто приказал тогда себе успокоиться. Лиза никогда не устраивала истерик: обычно она удивленно замолкала. Но она умела делать так, что уже через час он сам бежал извиняться. Эти ее прищуренные глаза, сжатые губы и уход в другое помещение: кухня, ванная, спальня. Как немой укор. Да. Для него с годами стало важным, чтобы она всегда была рядом. В поле зрения. Они вполне могли заниматься своими делами, но рядом. И наушники никогда не надевали. В их семье это было табу. Да, про разницу нужно было думать двадцать лет назад, когда он охмурял свою аспирантку. Вроде как он и не сильно охмурял. Он потом долго еще задавал себе вопрос: он женился потому, что Лиза была беременная, или потому, что мама что-то в ней такое разглядела? Ей хватило одного цепкого взгляда, чтобы направить его: «А знаешь… Она тебе подходит. Заметь, я не сказала, что она мне нравится».

– Идите к нам! – Лиза оживленно замахала руками.

Мужчина с каким-то явным облегчением начал протискиваться через плотно стоящие столики. Девочка, как на привязи, шла за ним, особо даже не глядя по сторонам. Устали. Все очень устали.

– Уф, спасибо. Мы уже без ног, без сил, ничего не соображаем. Сейчас куртки повесим.

– Я Николай, а это – Рита.

Вадим с Лизой представились в ответ, мужчины тепло пожали друг другу руки.

– Ритусик, давай.

Ритусик, глядя в пол, сняла куртку, но при этом улыбнулась.

– Замучилась? – Лиза слегка погладила девочку по плечу.

– Да, это же надо, погодка! – Рита в первый раз подняла на них глаза. Еще не сформировавшийся гусенок обещал с годами стать прекрасным лебедем. Длинные кудрявые белокурые волосы, белоснежная кожа. И ростом уже с Лизу, ноги от ушей, узкие бедра и плечи. Хорошенькая.

– Экскурсия в пять, еще успеем немного полежать. Хорошо, что группа небольшая.

– Так это только часть группы. Мы же японскими авиалиниями летели. За нами еще «Аэрофлот». С этого рейса тоже сколько-то человек к нам присоединится.

– А это откуда известно? – поперхнулась Лиза.

– Так горящий же тур! А у них всегда так. Когда понимают, что билеты проданы не все, начинают объединять, добавлять. А ведь кто-то за полную стоимость этот тур покупал.

Вадим метнул взгляд на Лизу. Лиза этот взгляд поняла. Сколько лет можно бояться мужа? Они уже здесь. И изменить ничего нельзя. Значит, группа. Возможно, большая. Ну, подумаешь, будет их человек двенадцать. Уж как-

нибудь разберутся, куда деваться.

Лиза любит узнавать новых людей. И вот эти двое ей были совсем непонятны. Что это за отношения такие? Она хорошо себя помнила подростком. Для нее тогда главным человеком был отец. Куда-то с ним пойти – всегда праздник. А уж общая поездка! Об этом можно было только мечтать. Отец всегда был занят, но для дочери находил время. Хотя бы полчаса в день доверительных разговоров. Мама относилась к этому с пониманием. «Ладно, ладно, секретничайте». – И она, прикрыв дверь, уходила на кухню заниматься готовкой. Или просто читала книгу. Мать не всегда отличалась мудростью и тактом, но тут все делала совершенно верно. Как будто знала, что папа уйдет из этой жизни очень рано. Слишком рано. Пятьдесят три года. Разве это возраст для мужчины? Тогда для них с мамой земля разверзлась под ногами. Как жить? Как жить без пригляда, без советов, да и с деньгами стало туго. Лиза кинулась в отношения «мать и дочь», которые ей были непривычны. Мама всегда маячила за спиной отца и просто кивала, улыбаясь. Но она дочь в тех отношениях не поддержала. У нее было свое горе, ей казалось, что у Лизы все еще впереди, а вот она навсегда осталась одна. «Что я могу тебе дать? Я – отработанный материал. Карабкайся. Ты в отца, у тебя получится», – говорила она. Лиза тогда обиделась и рванула в Москву. И только много лет спустя поняла, как мать была права. Девушка многого добилась в жизни. Благодаря тем ее словам. Научилась брать на себя ответственность. И ребенка без мужа рожать было не страшно, она знала – справится. Зато родит от любимого человека. И потом, уже двигаясь по служебной лестнице, она всегда смело принимала решение, а если ошибалась, то это была только ее ошибка. Мать вышла замуж через полгода. Еще одна ее обида. Обида и полное неприятие.

Надо же, куда она улетела со своими мыслями. Нет, это какие-то странные папа и дочка. Она сначала даже подумала про другое. А что? Сегодня можно увидеть все. Но такое впечатление, что они друг друга боятся. Непонятно, кто кого больше.

– Ну что, пора в гостиницу? Времени уже начало второго.

– Нам идти десять минут.

– А вдруг?

Вдруг не произошло. На месте уже был весь московский десант. Туристы понуро примостились на граните под инсталляцией.

– Ну что за люди эти японцы? Прямо враги какие. Я все ноги промочила. А запасных ботинок у меня нет!

Понятное дело, выступала Инесса. Лиза скосила глаза на ее ноги. Обычные мокасины, из тех, что ближе к балеткам. Открытые, неглубокие. Господи, ну как можно отправляться в такое далекое путешествие, не озаботившись удобной обувью? Это же самое главное! Обувь должна быть удобной и разношенной. И желательно взять с собой сменку. Ладно, это не ее история. Правда, выступала Инесса громко и для всех.

Ровно в два часа дня всем выдали ключи, потом долго разбирались с чемоданами. Толкая друг друга, работники отеля по трое выкатывали каждый чемодан. Дальше обязательно спрашивали талончик. Если бы тот потерялся, чемоданы бы им в жизни не отдали. Главный начал бы звонить министру какому-нибудь и советоваться, что теперь делать. Повезло, все получили по своему чемодану и разошлись по номерам.

Остров Одайба

Крошечный номер был удобным и функциональным.

– Господи, куда класть чемоданы? На подоконник? Ой, смотри, какие смешные пижамки.

В памятке специальным пунктом было указано, что в японских гостиницах, кроме полотенца, положена пижама. Забирать ее домой не стоит. Вы же не забираете с собой полотенца? Этот пункт в самолете со смехом для Лизы прочитал Вадим. «Ничего не перепутай! Забираешь только шампунь».

Пижамки представляли собой длинные, практически как из клиники для не очень здоровых душой людей, белые халаты чуть выше колена и на пуговицах. Лиза непереносимо хотела спать, но когда увидела Вадима, выходящего из ванной, то так расхохоталась, что никак не могла остановиться.

– Ну что? Что еще? Что тут смешного?

И опять Вадим резко почувствовал свой возраст. Оказывается, он еще и смешон со стороны.

– Ноги! У тебя ужасно тонкие ноги!

– Это плохо?

– Да это прекрасно! Но смешно. Все, я сплю. – И Лиза рухнула на кровать без чувств.

Проснулись с трудом, ничего не соображая, пихая друг друга и уговаривая встать. Спустились к положенному времени и, к удивлению, увидели немалую толпу на ресепшене. Лиза отошла к окну, чтобы не толкаться среди хмурых и молчаливых людей. Странно. Народу много, но в зале абсолютная тишина. Почему? Да потому что все молчали, некоторые тихо перешептывались. Да, перепугали их японцы своими порядками. Лиза опять развернулась к окну, пытаясь разглядеть небоскреб напротив. Какая все-таки темень за окном, а ведь еще нет и пяти. Почему-то верхнего и яркого освещения в холле отеля не было. Подсвечивалась только странная инсталляция, все остальное – практически на ощупь. И как тут найти гида, и как народ поймет, к какой группе примкнуть?

Экскурсовод появилась ровно в пять часов вечера. Очень по-японски: не раньше и не позже.

– Добрый день! Проходим к лифтам и спускаемся. И уже там мы с вами посчитаемся. Ровно через десять минут мы должны зайти в автобус. Водитель подъедет к конкретному времени. Стоять перед отелем он не может. Только на запуск и выпуск пассажиров. Главное – это организованность. Никого не ждем. Это Япония.

– Очень приветливый прием, – высказался Вадим. – Здравствуй, Япония.

– Прекрати! – шикнула на него Лиза.

– Так я чего? Как говорится, что вижу.

Вся толпа двинулась к лифту. Эту же толпу гид начала пересчитывать внизу.

– Я не понимаю, это наша группа? Это все пассажиры с рейса «Аэрофлота»? – Вадим удивился.

Рядом опять оказалась пара, которую они встретили утром.

– Почему? Мы из Америки прилетели. И с нами точно еще одна пара. Да, вон они. – Милая женщина средних лет махнула рукой куда-то в сторону. – И нам говорили, что нас объединят с русской группой. Ну, собственно, почему бы и нет. Хотя могут быть, конечно, сложности. Мы все же уже немного разные. Одна женщина вроде из Канады, да, Саш? – Она посмотрела на мужа. – А Эрик вроде бы из Израиля?

– Ну почему из Израиля, Кира? Он тоже из Америки. Из Нью-Йорка. Он просто все время путешествует.

– О да, у нас совершенно не важно, если, к примеру, человек плохо двигается. Его всегда возьмут в любою группу и отправят хоть на Северный полюс.

Гид тем временем выкрикивала фамилии участников:

– Селиверстовы. Николай и Маргарита.

– Мы!

– Коноваловы. Вадим и Елизавета.

– Крайнева Маргарита. Я вас прошу поднимать руки. Я должна увидеть ваши руки!

Гид все называла и называла фамилии. Люди поднимали руки, девушка-экскурсовод внимательно осматривала каждого участника.

– Прямо КГБ, – шепнул Вадим.

– Две Маргариты на одну группу – это слишком, – пыталась шутить Лиза.

На двадцатом человеке Лиза перестала считать. И так ясно, что их больше двадцати. Один из них точно плохо двигается. Лиза надеялась, что только один. Хотя, собственно, какая уже разница? Лиза почувствовала приближение головной боли: в левом виске предательски запульсировало. Вот это сюрприз! Но во всем виновата только она. Кира, к примеру, все знает. И сколько человек в группе, и кто из каких стран. Все это можно было узнать еще до вылета! От Лизы никто и ничего не скрывал. Она не спрашивала, ей и не объяснили. Ну надо же! Столько денег отдали.

Ровно через десять минут, как было заявлено, все сидели в автобусе. Гид еще раз пересчитала их, смешно указывая на каждого тыльной стороной ладошки. Темная улица, темный автобус, за окном дождь. Сейчас Вадим «поставит на вид» и будет прав. Неужели нельзя было вникнуть? Может, ей даже и говорили про то, сколько человек в группе. Она должна была поинтересоваться деталями. И это не мелочи. Вокруг сидели достаточно хмурые туристы. Инесса, естественно, на переднем сиденье. Ритин папа с Ритой оказались с ними рядом через проход. Мужчина сразу помахал им рукой. Девочка не повернула головы от окна. Сложный возраст. Их Темыч пока еще смотрит с ними в одну сторону. Надолго ли?

– Все, расслабься. Какая разница? Мы в Японии, нас ждет очень интересная программа. Ну и пусть двадцать человек. Какая разница? – Вадим пожал жене руку и чмокнул куда-то в ухо.

У Лизы отлегло от сердца. Так это она мужа боится или расстраивается из-за своей невнимательности? М-да. Погода в доме – это самое важное. А за окном может и дождь лить.

Гид взяла микрофон в руки.

– Здравствуйте! Меня зовут Светлана. И сейчас мы направляемся на остров Одайба. Немного прогуляемся и поедем ужинать. Это одно из самых излюбленных мест отдыха токийцев. Обычно сюда приезжают всей семьей на целый день. Здесь находится единственный в Токио пляж, много торговых и развлекательных центров, прекрасный парк. У вас есть свободный день в программе, вы можете приехать сюда и провести здесь совершенно японский

день. Этот остров насыпной. И создан он был как оборонительный, еще в эпоху сегуната при правительстве Токугавы Иэясу. Таких островов планировалось одиннадцать, но в итоге возвели пять. До сегодняшнего дня дожили два. Остальные удалили в семидесятых годах, чтобы они не мешали проходу судов. Острова эти использовались в качестве мусорных свалок. А в 1990 году губернатор Токио Сюнъити Судзуки начал развивать этот остров как новый жилой район. Денег было потрачено немерено. Один триллион иен, но следующий мэр стройку свернул. Японцы хорошо считают. Стало понято, что эта стройка бесперспективна. Но здания были уже возведены, и их за бесценок скупили крупнейшие частные корпорации. И так началась вторая жизнь этого острова. Именно здесь находится знаменитая Fuji Television, а в 2002 году на Одайбе открылась железнодорожная линия Ринкай. Мы с вами немного пройдемся по острову, зайдем в торговый центр. Как правило, этот остров производит внушительное впечатление на европейцев. Так что от души желаю вам вернуться сюда в светлое время суток.

Зачем их так долго водили по торговому центру? Можно подумать, в Москве они другие? Или их нет в Америке? Или в Канаде? А вот и тот самый Эрик. Мужчина не совсем плохо двигался, но ему обязательно нужно было кого-то держать под руку. Видимо, последствия перенесенного инсульта. Для этих целей он выбрал Светлану. Так Светлана и шла впереди их группы. В одной руке зонтик, ориентир для туристов, в другой – Эрик. Группа уныло двигалась следом. Магазины те же, что и в Москве. Правда, потолок в звездах. Ну да, красиво, и магазин собачек впечатлил. Собачки, а к ним полный гардероб нарядов. От бальных платьев до норковых шубок!

– Смешные, да, Саш? Какие смешные! И не лают! – С ними опять рядом оказались те двое из Америки.

– Может, и не лают, конечно, но собачки… они и в Африке собачки, – выразил общее мнение группы Саша.

Какая приятная пара! Как они трогательно друг к другу относились. Сколько им лет? Ей лет шестьдесят, он явно старше. И вот вроде бы он вокруг жены не суетился, внимание свое не выказывал. И объяснял каждый раз долго и обстоятельно, чуточку раздражаясь. Но чувствовалось, она за ним как за каменной стеной. Они – пара. Они – семья. Интересно, а как смотрятся со стороны они с Вадимом?

– Светлана, а вот у меня вопрос к вам. – Гида остановила Сашина жена.

– Возможно, я что не поняла? Я хотела сфотографироваться с японкой на ресепшене. Она мне кивает, мол, давайте, а сама в сторону отступает. Это как?

– Это все очень верно. Это совершенно по-японски. Японцы не говорят «нет». Это не принято. Они всегда улыбаются и соглашаются. Но это ничего не значит. У японцев очень непростой язык жестов. Как в Италии. Только сложнее. Видите, она вам поклонилась, она вам кивнула, но сделала шаг назад. То есть все правила этикета соблюдены, она была вежливой, но показала вам, что фотографироваться не будет. Давайте пройдем в автобус.

В автобусе Светлана взяла в руки микрофон.

– Отвечаю на вопрос. Кстати, считаю его очень важным, на такую информацию времени тратить не жалко. Японцы от природы очень вежливые. И на то есть причины. Если бы они такими вежливыми не были, они бы просто поубивали друг друга. Почему? А вот только подумайте, какая у них плотность населения? Русский человек обиделся, встал, ушел в поле. А тут куда? С одной стороны гора, с другой – море. У японцев даже есть такое выражение «гири-гири», что значит «впритык». Территория Японии это 6852 острова, и семьдесят пять процентов территории занимают горы. Вот и приняли решение японцы: быть вежливыми. Географическое положение очень повлияло на культуру японцев. Это и территория, и постоянные землетрясения. Япония находится на стыке литосферных плит. И каждый японец об этом знает. Он понимает, что тряхнуть может в любую минуту. И не важно, что кипит у них в груди. А у них кипит, и даже не сомневайтесь. Но они вам поклонятся и скажут: да, конечно. Если им надо отказать, они скажут: «Мне нужно подумать». Или: «Что-то немного сложно». Если вы это услышали, значит, вам отказали. Просто большими буквами и красным цветом. Вот такие они, японцы.

Светлана что-то сказала водителю.

– Да, про фотографии. Они не очень радуются общим фотографиям с незнакомыми людьми. Это по моим личным ощущениям. Но вот мы завтра с вами поедем по святилищам. Там, я думаю, вам с удовольствием разрешат пофотографировать их наряженных детей. Кимоно очень дорогие, поэтому японцы будут рады, пусть хоть останется такая память. В фотографиях.

Пятизвездочный отель

Отель и правда был пятизвездочный. Понятно, что исключительно для туристов. Проведя здесь всего-то полдня и послушав короткий экскурс экскурсовода, каждый из группы начал формировать свое мнение об этой стране. Японцы очень бережно относятся ко всем пространствам-территориям. И как же можно тратить столько места на бесполезные коридоры, потолки? Вокруг должна быть либо природа, либо что-то полезное. А что может быть полезного в тысячах метрах мрамора?

– Как в Вероне.

– Да уж, на Токио не похоже.

Группа вошла в огромный ресторанный зал и стала разбредаться, выбирая столик. Время принятия решений, подумалось Лизе. С кем они сейчас сядут, с тем им и две недели дружить. К себе за столик их пригласила Кира. Видимо, американцам их пара приглянулась. Ну вот, стало быть, они тоже производят хорошее впечатление.

На шведском столе они понабрали еды и, пожелав друг другу приятного аппетита, принялись за трапезу. Гид Светлана еще раз напомнила, где после ужина они могут погулять. И во сколько должна произойти встреча в автобусе.

– Как с малыми детьми, – сказал Саша уже с легким американским акцентом. – Как там говорит Далай-лама: «Человек вначале жертвует своим здоровьем для того, чтобы заработать деньги. Потом он тратит деньги на восстановление здоровья. При этом он настолько беспокоится о своем будущем, что никогда не наслаждается настоящим. В результате он не живет ни в настоящем, ни в будущем. Он живет так, как будто никогда не умрет, а умирая, сожалеет о том, что не жил».

– Интересуетесь буддизмом? – Вадим с удовольствием поддержал разговор.

– Да не совсем. Я больше люблю японское кино. «Семь самураев» смотрел тридцать пять раз!

– Ого! Шикарный фильм. Полностью с вами соглашусь. Кстати, любимый фильм Андрея Тарковского. И даже в его «Андрее Рублеве» есть эпизоды, напоминающие этот фильм. Не обращали внимания?

– Не знал. Интересно. Знаю, что многие голливудские вестерны сняты по мотивам этого легендарного кино. Но ведь подумать только! Три часа старинного фильма и сейчас смотрятся на одном дыхании. А про буддизм – мысли там верные, согласитесь. Вот мы и приехали сюда, чтобы побыть здесь и сейчас. Не откладывая на завтра.

– Не спорю.

– Я в Америке уже сорок лет, последние годы живем в Вашингтоне, но я тоже, как и вы, бывший москвич. Жил рядом с метро «1905 года». А вы где живете?

– Мы в Измайлове.

– Хороший район. У вас ведь парк рядом. Там есть парк?

– Да. А вы ни разу не были в Москве после отъезда?

– Нет. И я туда не поеду.

– Почему?

– Потому что тяжело уезжал. И мне не надо этих воспоминаний. Да и ехать нужно было раньше. А сейчас уже не к кому. Там никого не осталось. Все мои близкие здесь, в Америке. Я вам больше скажу. Сейчас дочь уехала в Израиль. И я так переживаю! Она проходит мой путь. И увезла туда свою маленькую дочь. Все идет по спирали. Я ей говорю: «Гала, зачем тебе это нужно? Твоя дочь уже американка! И ты ее бросаешь опять в эти жернова чужой культуры, чужой жизни!»

– Все же жернова, – вступил Вадим.

– Конечно. Безусловно. А как вы думали? Я по своей специальности учитель истории. И я совершенно не был нужен Америке. Они не сомневались, что я знаю

только свою историю. Что с меня еще взять? И я был готов к тому, что буду не нужен, что нужно будет отстаивать свое место под солнцем. Все прошел. И таксистом работал, и официантом, пока нащупал свою нишу.

Вадим прокашлялся. Понятно, подумала Лиза, зацепило. Сейчас вступит в разговор.

– Тема такая непростая. И, конечно же, не хочется начинать: жалеете – не жалеете.

Саша улыбнулся. Он говорил медленно с каким-то невероятным достоинством, слегка прокатывая букву «р» на языке. Каждая фраза в его речи была важной. Лиза прямо залюбовалась мужчиной.

– Вы знаете, вы такие люди приятные, опять же москвичи, из моего родного города. Мне нечего скрывать. И поделиться хочется… Да, разговор длинный. Если начать с конца, ни о чем не жалею. Ни грамма. У меня сложилась хорошая жизнь, взрослая успешная дочь, которой я смог дать очень хорошее образование. Я ею безумно горжусь. Десять лет назад похоронил жену, Кира – моя вторая жена. – И мужчина с любовью посмотрел на женщину. – Мы живем счастливо. У нас общие интересы, мы много путешествуем. И я сам сумел реализоваться, что очень важно! У меня небольшой магазинчик. Дает стабильный доход. Свои посетители, мне нравится. А Кира… Она у меня вообще умница! Искусствовед, пишет интереснейшие статьи. Я горжусь женой!

– А если позволите спросить, почему все же уехали? – Лиза удивилась напору мужа. Обычно он не лез в душу.

– Конечно. Мне кажется, у нас еще есть минут двадцать? А давайте возьмем десерт! Вы знаете, грешен, очень люблю сладкое.

– Саша, я принесу. Лиза, вам тоже? – поднялась со своего места Кира. Какая она все же тактичная. Увидела, что мужу интересно общаться, и дает ему эту возможность.

– С удовольствием.

– Мне не надо, – быстро добавил Вадим.

«Конечно, ему не надо, потому что съест весь мой», – подумала про себя Лиза. И так всегда. Вадим объяснял, мол, думает исключительно о ее здоровье. «Или о фигуре», – добавляла Лиза.

– Уехал за другом. К сожалению, пятнадцать лет назад мы его похоронили. Родились в одном роддоме, наши мамы были подругами. Да. Так бывает. И мы не просто дружили, были как братья. Хотя, наверное, неправильно говорю. Что-то в последнее время ничего не могу хорошего сказать про дружбу братьев. Дружили, как близкие друзья. Ближе не было. У вас есть такой друг?

Вадим задумался.

– Наверное, нет. Да, так сложилось. Наверное, жена – самый близкий друг. И у моих однокашников так же. Раньше чаще встречались, сейчас реже. Все больше семьями. Иногда с другом на рыбалку выбираемся. Примерно раз в год. Счастливейшие часы.

– А вы знаете, Вадим, и у меня бы точно так же было, если бы я не уехал. Закрутила бы жизнь, суета. А там по-другому. Там очень хорошо чувствуешь, кто друг, кто враг, а кто безразличен. Что там говорить, семьи распадаются. Приезжают и понимают, что совершенно чужие люди. И это, кстати, в тех условиях двойная трагедия. А Максим нас не просто поддерживал, он стал для моей семьи единственной опорой. И устроиться помог, на ноги встать, хотя и сам не очень чтобы зажиточным был. И советы давал, рядом был. Если уж начистоту, мы все очень скучали по прошлой жизни и друг за друга держались. Эмиграция – это сложно, она выявляет в тебе все самое худшее. Если есть у человека какая злоба, зависть, там все это в десять крат больше.

– Саша, ну ты скажешь, – вступила Кира. Она принесла небольшое блюдо с четырьмя разными десертами. – Пробуйте! Взяла всего понемногу. И возвращаясь к разговору: прямо каких-то монстров из нас делаешь!

– Как есть, так и говорю. Но если человек хороший, он хорошим и останется. На него ничего не повлияет. Вот друг у меня был редкой души человек. Хотя мы были совершенно разными. Он физик, а я – лирик.

– То есть ваш друг там шофером не работал?

Господи! Лиза напряглась: иногда Вадим был невероятно бестактным. Не со зла, нет, просто не подумав. Но Саша лишь расхохотался.

– Ох, Александр, простите… – Вадим быстро понял свою ошибку.

– Ничего страшного. Как я отвык от Александра. Я уже давно просто Саша. Или Алекс. Тут так принято. Но мне приятно. Просто совсем из другой жизни. Почему не работал? И Максим работал таксистом. А как же! Он математик. Окончил Бауманку. Кстати, поступал и в МГУ, и на Физтех. Между поступлениями в армии послужил и в итоге плюнул на это дело. Ему ясно дали понять. Причина его срезов – национальность. Ох, как он переживал! Собственно, тогда он и решил уехать. Но институт окончил, поработал по распределению. Но уже работал с прицелом на отъезд, никаких научных институтов, никакой секретности, никаких бумаг не подписывал. А в Америке он добился хороших результатов. Преподавал в университете, был очень уважаемым человеком.

– И американцы разницы не делают между вашими и нашими?

– Как к нам относятся? Хорошо! Но разницу, как вы говорите, делают. Да, мы знаем, что не рождены в этой стране, поэтому я так и расстраиваюсь, что дочь сейчас уезжает. Ну, это другая история. Я прошу прощения. Заговорил вас, но так хотелось пообщаться.

– Что вы, нам приятно. Пора идти, у нас десять дней впереди, еще пообщаемся. Пойдемте на набережную.

Первыми из-за столиков вышли Рита с папой. И опять Лиза отметила, какая девочка неуклюжая. Красивая, но неуклюжая. Несформировавшийся подросток. Хотя у нее же точно папина походка. Оба переваливаются как утки, когда идут, у обоих – руки в карманы. Почему она все время грустная? В группе две девочки. И если Лиза не ослышалась, обе – Маргариты. Надо же! Не самое распространенное имя. Они даже чем-то похожи, правда, вторая явно старше. Ей, наверное, около двадцати. И фигуры, и рост. Обе беленькие, длинные распущенные волосы. Но у той, что постарше, взгляд хищный, оценивающий. Лиза видела, как она в автобусе бросила взгляд на молодого парня, который сумки за Инессой носил. Но парень тоже не промах. Зашел в салон, свой рюкзак

сразу бросил к окну, а сам сел с краю. Понятое дело, прятался от Инессы.

Мимо них пробежала Инесса. Просто слон промчался! Она догнала Риту с папой:

– Вот это отель! Почему мы вот в таком не живем?

– Так тут, наверное, дорого!

– А у нас дешево, что ли? Куда еще дороже? Но вот кто-то же может себе позволить, выходит. И кто? Чиновники? Вы как думаете?

– Давай их пропустим, – потянул жену за рукав Вадим.

Как же красив токийский залив! Набережная с неяркой подсветкой, широкая лестница, затейливые переходы в лабиринт, который спускается прямо к воде. Дождь прекратился, вдалеке пылал разноцветными огнями Токио, свежий воздух, простор. И надо же! Перед ними – статуя свободы. Еще одна. Сколько же их устремляет свои руки в небо? Просто как в книге Кена Фоллетта «Третий близнец». На поверку близнецов оказалось восемь. Возможно, и статуи свободы еще все впереди.

– Саша, ты только посмотри! Наша статуя.

– Кира, это французская статуя, – Саша отвечал неторопливо. – Видишь, еще и сюда подарили.

– Ох, побывать бы здесь в светлое время суток!

Их услышала экскурсовод.

– Да, рекомендую. Здесь, кстати, и прекрасная купальня с минеральными источниками, и очень интересные музеи. Научные. И гигантский мультимедийный развлекательный комплекс «Феррис и МегаВеб», спонсированный «Тойотой». Сюда идет метро. Все совсем несложно. Можно покататься на кораблике. Особенно вечером. Пойдемте. Нам пора. Пожалуйста, не задерживайтесь.

В автобусе опять ждали Риту с папой. Экскурсовод отчитала их, как в детском саду, когда они пришли с опозданием на десять минут, и предупредила, что больше их ждать никто не будет. Сказала строго, в микрофон, чтобы все уяснили.

– Какая-то она нервная, – вздохнула Лиза.

– Просто порядок. Это правильно. За порядком нужно следить.

– Но тебе не кажется, что мы ее раздражаем?

– За эмоции в семье у нас отвечаешь ты. Информацию она дает четко, с глубоким посылом. Мне вообще кажется, что экскурсовод – это не ее основная профессия. Может, она археолог? Или историк? Много деталей.

Матвей крепко держался своего одиночества, а Рита «номер два» кидала на него взгляды. Кира с Сашей мило улыбались друг другу.

– Что не человек, то персонаж романа, – засыпая в гостинице, произнесла Лиза. – Да, и там одна американка из нашей группы все время на тебя смотрела.

– Это которая из них?

– Ну, толстая такая, в фиолетовом костюме.

– Как ты в такую темень сумела разглядеть цвет?

– Он светло-фиолетовый.

– Что ж, это даже приятно. Значит, я кому-то еще нравлюсь, или все же я и тебе нравлюсь?

– Тебя я люблю, ты же знаешь. И никакой американке тебя не отдам. Ты у меня самый молодой и красивый. Но для работы таксистом явно устарел.

Токио. День второй

Роппонги

Туристы загружались в автобус на автопилоте. Не радовали даже яркое солнце и чистое голубое небо.

– Ну что вы, – подбадривала вялых людей Светлана. – Сегодня уже будет легче, всегда первый день самый сложный. Акклиматизация, смена часовых поясов. Как правило, на второй день у меня уже все как огурцы. Давайте, давайте, вам еще десять дней нужно выдержать. Понимаю, непросто, но…

Инесса не дала ей договорить:

– Это ты права. Никто нас сюда на аркане не тащил. Что правда, то правда. Только кто ж знал, что у вас тут дожди тропические и правила, как при Сталине.

Есть такие люди, которые ко всем сразу обращаются на «ты». И это даже не от высокомерия, а просто от образа жизни. Они так живут. Они так привыкли. Видно было, что Светлане такое панибратство не очень приятно, но она вела себя на редкость отстраненно. Как будто она сама и экскурсовод – это разные люди. Удивительное качество! Очень удобно. Нужно поучиться.

– Дожди уже закончились, и у нас порядок, вы верно подметили. И, по-моему, это прекрасно. Действует безотказно. Есть небольшой нюанс, японцы очень завязаны на корпоративную культуру, один человек не может принять решение, это, конечно, минус. Но в большинстве своем действительно выбирается единственно правильное решение.

– В большинстве? А как же остальные случаи? – Рядом стоял Саша.

– Мы не можем судить нацию, которая всех и давно обогнала. – И Светлана хлопнула в ладоши. – Поднимаемся в автобус! Все на месте?

Туристы разом посмотрели на Риту с папой.

– Да ладно уж, опоздали один раз! Мы вообще-то организованные.

– Погодите, а помощник мой где? – Инесса вертела головой по сторонам. – Слушай, подруга, ты ж вроде с ним вчера вечером уединялась? – та попыталась говорить шепотом, но даже стоящая в некотором отдалении Лиза услышала бесцеремонную фразу. Вот это да! Маргарита «номер два» ярко покраснела, процедив:

– С чего вы взяли? И вообще это не ваше дело!

– Как это не наше? Мы тут теперь все в одной связке. Если с кем-то что-то не так, то отвечаем вместе. Ты ж вечером к нему в номер стучала! Да чего ты краснеешь? Я в соседнем проживаю, тут слышимость… Как в наших хрущевках.

– Господи, какая все же беспардонная баба, – тихо проговорил Вадим,

– И не говорите, – подтвердил Саша.

Саша с Кирой опять заняли в автобусе места перед Вадимом и Лизой, что давало возможность легко общаться. Мужчины явно понравились друг другу. Уже за завтраком тепло пожали руки. Да, они были из одной категории, оба молчуны, но оба нуждались в легком и неявном общении.

– Идет! Вон он!

Матвей несся от дверей гостиницы. Пробежав мимо Маргариты «номер два», он слегка кивнул в ее сторону. Не более того. Что там между ними стряслось? Лизе мальчик нравился. Да что говорить, ей все мальчики нравились, она их всех сравнивала с их Темычем и всегда была на стороне парней.

– Все в автобусе? Господи, ну взрослые же люди. Все, вы в Японии, а тут порядок и организованность. Пожалуйста, не подводите ни себя, ни группу.

– Ну прямо как в Германии, – отозвался кто-то из американцев.

– Нет, у нас хуже! Или лучше. Не знаю, как сказать.

Народ рассмеялся. Не до смеху было, наверное, только Матвею и Маргарите «номер два». Лиза отметила, что сели они, как и раньше, на разные ряды. Какое

все же злое у девушки выражение лица! Вот тебе и две Маргариты. А папина Рита сегодня была сама радость. В свитере цвета бордо и такого же цвета кепи, она смотрелась очень живописно. И бесконечно радовался перемене настроения ее папа. И опять Лиза подумала: все же хорошо, что у них мальчик. Сидит себе Матвей, смотрит в окно… И все с него как с гуся вода. Ну поспал на час дольше, ну проспал… И что дальше? А девица вон как переживает, прям позеленела вся. А с другой стороны, кто виноват? Она же в номер стучалась? О господи, это же все Инессины придумки, хотя похоже на правду.

Светлана взяла в руки микрофон.

– Итак, программа на сегодня. Наш осмотр Токио начнется с посещения фешенебельного района Роппонги. Мы с вами поднимемся на смотровую площадку небоскреба «Мори-тауэр», чтобы вы смогли увидеть весь город как на ладони. Далее отправимся в другой район Токио Сибуя. Визитной карточкой Сибуя является статуя верному псу Хатико. Она появилась в Токио после выхода голливудской картины с Ричардом Гиром «Хатико: самый верный друг». Рядом со статуей находится еще один современный символ Токио – знаменитый перекресток, где пешеходы пересекают улицу не только крест-накрест, но и наискосок. Этот перекресток – самый многолюдный в мире! Его еще называют «Токийский Таймс-сквер». После этого обед. И едем к самому главному синтоистскому храму Токио – Мэйдзи. Очень важное место для каждого японца.

– Как из учебника. Тебе так не кажется? Души в ней нет.

– Ты придираешься.

Вот так у них всегда. Для Лизы важнее были эмоции, а для Вадима – суть.

– Спасибо тебе, что так благосклонно принимаешь мой подарок. Со всеми его недостатками.

– Да расслабься уже! Ну много народу в группе, но мы их и не видим. Сидим себе в автобусе, смотрим в окно. Два человека… Или двадцать. Какая разница? На улице все равно мы находимся среди толпы, а гид говорит в микрофон.

– Да, с микрофоном, но бубнит-бубнит. Как-то мне не откликается. Ты уж запоминай все, я у тебя потом спрошу.

Светлана как будто услышала их разговор:

– Про коллективную культуру немного еще хотела рассказать. Это, к слову, про ваше вчерашнее заселение. Из группы были вопросы и претензии. Просто примите как данность. Японцы – другие. Можно сказать, инопланетяне. Никто и никогда не знает, что у них в голове. У каждого японца есть их внутренняя зона: куда относится семья. Дальше идет средняя – это друзья. И внешняя. Никогда человека из внешней зоны не допустят во внутреннюю. Я живу здесь уже двадцать лет и в гостях бывала не так часто. И то по праздникам. И всегда существует строгая рассадка: кто и где должен сидеть. Все очень регламентированно. Никогда японец в коллективе не выскажет, допустим, на собрании какую-то свою новую идею. Он лучше в кулуарах заручится мнением каждого, а потом уже скажет при всех. Поэтому ваши вопросы в отеле относительно заселения застали их врасплох. Нужно было нарушить правила. Это тоже очень по-японски. Но они вам не откажут, потому что вы можете расстроиться.

А дальше Светлана опять начала сыпать датами и цифрами, и Лиза задремала с мыслями о Ритах. Имя одно, а девочки разные. И надо же! В первый день двинула к парню в номер. Сколько же ей лет? Двадцать? И что в этом номере произошло? Господи, Темычу пятнадцать. И пока он еще гадкий утенок с пробивающимися усиками. Не по годам высокий, с длинными руками и ногами, узкими плечами. Да, толком не похож ни на нее, ни на Вадима. Как считает свекровь: вылитый отец мужа. И то хорошо! Странное дело, что у нее моментально сложились прекрасные отношения со свекровью. Она хорошо запомнила тот цепкий взгляд. И было в нем все: недоверие, холод, проверка по всем пунктам. И как итог: какая-то мягкость. Своим взглядом она как бы спрашивала: «Ну что, договоримся? Ты мне будешь другом?» И Лиза тогда ответила. Взглядом. «Я очень люблю вашего сына. И я все для него сделаю». И она поняла ответ: «Верю тебе, по рукам».

Тот молчаливый разговор длился всего пару секунд. Почему Белла ей тогда поверила, не засомневалась и тут же начала помогать?

У них совсем недавно состоялся разговор на эту тему.

– Сама посуди, парню моему уже хорошо за сорок было. Завидный жених. Работа, квартира… И сам из себя ничего вроде. Но ему удобнее было иметь

ничего не значащие отношения. А я хотела для него семью. А тут сразу еще и внук. Но дело даже не в этом. Я знаю своего сына. И про положительное, и про отрицательное. И про слабохарактерность. А ты можешь повести за собой. Где-то поддержать, где-то подтолкнуть. Тебе не все равно, что с ним станется. Я сразу поняла, ты сможешь сделать все возможное и для семьи, и для него.

– А для ребенка?

– Это десятый вопрос. Ребенок – наблюдатель. Впитывает, как живут родители, смотрит, запоминает. Главное, что должны делать родители как воспитатели, на мой взгляд. Любить друг друга и его. Естественно. И я в тебе не ошиблась ни разу. У тебя есть и любовь, и мудрость, и холодная голова, где-то расчет, где-то амбиции.

Лиза тогда вздохнула незаметно. «Хорошо, что ты не все знаешь». И опять Белла все считала.

– И про ссоры знаю, и про то, что уйти собиралась. Даже про этого твоего завотделом. И что? Вы же вместе. И это главное. Я же говорю. Есть в тебе стержень. А жизнь – она длинная.

Вот это да! Лиза постаралась проглотить информацию и не заикаться при дальнейшем разговоре.

– И у Вадьки роман был по молодости, думала, не выкарабкается. А сейчас? Небось, встретит – не узнает! Только тебя и видит.

– А что за роман?

– Старею. Проговорилась. Сам все тебе расскажет.

Лиза не стала спрашивать. Не захотела знать. С каких-то пор интерес к подобного рода историям исчез. Хотя и порезы на руке мужа видела. Неужели все было так серьезно? Нет, она не хотела знать. Она стала себя беречь. Себя, их отношения. К чему? Захочет, расскажет. Но напоминать самой? Не нужно этого.

Но как Белла узнала про ее роман? Ах, ну да. Ее подруга. Господи, вот ведь бабы! Что-то увидела, что-то додумала. Спасибо Белле. Ничего не приняла всерьез. Да, собственно, всерьез ничего и не было. Как там у Высоцкого? То была не интрижка? А в ее случае как раз интрижка. Захотелось попробовать, а как это? Сходить на сторону? И даже пошла. Но в последний момент опомнилась. Просчитала дальнейшие шаги и ужаснулась. Зачем ей эти проблемы? Она не влюблена, у нее и времени-то на всю эту канитель нет. Просто, чтоб было что внукам рассказать? Так ведь можно рассказывать про крепкую семью. Тоже, между прочим, тема. Неизбитая на сегодняшний день.

– Для меня наша семья – это все! – Лиза собралась с духом.

– А я знаю. – Белла слегка пожала ее руку. – И для него тоже.

Небоскреб «Мори-тауэр»

Город с высоты огромного небоскреба. Она помнила рассказ Вадима о такой же экскурсии. Гид их поднял на лифте соседней высотки. Чуть ниже, но зато ни одного туриста. Вадим рассказывал о широте, размахе. И Лиза ждала чего-то подобного и слегка расстроилась, что ожидания ее не оправдались. Все достаточно обычно. Она боялась высоты. Ей были непонятны заоблачные цены за квартиры двадцать пятого этажа. «А как же вид? Это же космос!» – наперебой восторгались риелторы. Но ей не хотелось жить в космосе. Она была за тихий московский дворик. С дубами, липами, тополиным пухом. Да, и обязательно с дворником. Зимой – скрип лопаты, убирающей снег, летом – метла. И колеса мусорного бака. И совсем даже не мешает. Ну да, разбудил, но есть ощущение, что жизнь продолжается. И все у тебя хорошо! Разве это может помешать? Для Лизы это всегда – мера стабильности.

Иногда ей казалось, что это она старше мужа на двадцать лет, а не наоборот. Возможно, именно за это ее так ценит свекровь? За ее стабильность и надежность? Вадим по жизни пофигист, это точно.

Из-за яркого утреннего солнца город смотрелся слишком размыто. Экскурсия, о которой рассказывал Вадим, проходила после обеда, и очертания зданий были по его впечатлениям четкими и ясными, а сегодня город терялся в общей дымке. Яркое солнце не давало той картины характерной структуры Токио. Да и была ли она, структура? Лизе вдруг пришло в голову сравнение с нагромождением

разнокалиберных коробок. Как будто-то люди собрались переезжать, но не было у них времени или денег заказать коробки в одной компании. Вот и собрали по соседям и по овощным магазинам. Смешно, но Токио сверху выглядел именно так. Нагромождения коробок разных величин: из-за солнечной дымки не разобрать их цвета. Серо-бледный. И чем там восторгался Вадим? Он-то рассказывал про парки, про небывалую зелень. Яркую и сочную.

– Ничего не поняла. Или с того, другого, небоскреба другой обзор?

– Обзор тот же. Да, сегодня слегка по-другому. Но это просто физика. Мешает яркий солнечный свет. Ну ты же химик!

Вадим снял очки, по привычке протер их салфеткой, которая в обязательном порядке лежала в кармане джинсов. У очкариков всегда только так. Сколько же туристов! И как понять, где их группа, а где – нет? Хорошо, есть Лиза, можно не думать о мелочах, она все расставит по полочкам, потеряться ему не даст, и уж автобус без них точно не уедет. И путь их не пугает гид Светлана. Вот ведь! Каждую поездку начинает со слов, что автобус их ждать не будет.

Прямо напротив себя он заметил пару туристов. Да, вроде из их группы. Американцы. Судя по всему, муж и жена. Он все время с фотоаппаратом. С хорошим, с мощным объективом. Видимо, у американцев так принято, хотя к чему? Айфоны сегодня ничуть не хуже. Его жену он все время видел со спины, удивляясь тяжелой походке и нелепой шапочке. Возраст. Наверное, они старше. Лет эдак на десять. Но мужик все время вприпрыжку, всех обгоняя, опережая, и она не торопится. Да, походка. С возрастом важно сохранить легкую походку. И не забывать о ней. Ходить легкой и красивой походкой вполне даже можно в любом возрасте.

А вот и еще одна дама. Полная, холеная. Да, кстати, это ведь вроде она в фиолетовом костюме? Лиза утверждала, что она на него как-то смотрит особенно. И вдруг холодок пополз по телу, неожиданно стало жарко, а потом бросило в пот. Господи, так ведь удар можно получить! С чего это мысли всякие дурацкие в голову приходят? Ведь не для того же жена его в Японию привезла, чтобы он окунулся в свои воспоминания? Бред. И он, с одной стороны, начал эти странные мысли выгонять из головы, а с другой – подивился все же превратностям судьбы и погрешностям на случайные встречи. И даже пожалел, что нет с собой листа бумаги, можно было бы сейчас в автобусе произвести расчеты. То есть он только на долю секунды предположил возможность такой

встречи, а потом тут же начал высчитывать ее реальность и не думать о самой сути. И в этом тоже был весь он. Зачем думать заранее? Ему что-то показалось. И все же, неужели такое возможно?

Сибуя

Перекресток действительно впечатлил. Люди шли навстречу друг к другу с трех сторон. Толпа на толпу двигалась быстро и весело, не толкаясь и не пересекаясь. Их группа смотрела на перекресток со стороны тротуара. Как будто на тигров в зоопарке. А люди просто шли, они так живут. Они тут ходят каждый день. На работу, на обед, по своим делам. И им невдомек, что есть в этом что-то особенное. Лиза все больше удивлялась самой концепции экскурсии. Посмотреть на других людей. Вот если японцы, к примеру, приедут в Москву? Их поведут смотреть Красную площадь. А здесь их привезли смотреть на то, как люди просто переходят улицу.

А перед этим они два часа по пробкам сюда ехали. Да еще им памятник собачки показали с трогательной историей, как она любила своего хозяина. И опять Лизе показалось: не то. Что-то не то. Не главное. Она ехала сюда совсем не за тем. Или все же усталость? Перемена времени? Она все никак не могла прийти в себя.

Рита с папой сегодня явно повеселели. Правда, девочка надела на лицо черную маску. Наверное, какую-то особо модную.

– Зачем это, как думаешь? – Лиза по привычке дернула мужа.

– Может, аллергия?

– Осенью?

– Ну, возможно, заболеть боится. Обычно люди перед сложной операцией, например, берегутся.

– У такой молодой цветущей девочки? Вот уж странно. Мне кажется, это все веяние моды. Господи, а вдруг он сделает татуировку?

– Темыч? Не думай об этом!

Вадим сказал строго, и Лиза сразу перестала думать. Надо же, может быть, Рита больна? Скорее бы она сказала, что больна Рита «номер два». Слишком худая, круги под глазами, взгляд тяжелый, напряженный.

А Вадим в который раз удивился, как Лиза безоговорочно чувствует сына. Прямо перед поездкой Артем зашел к нему в кабинет и плюхнулся на диван.

– Матери не говори.

Вадим на автопилоте попросил:

– Не матери, а маме.

Мальчик еще раз вздохнул, никак не решаясь продолжить.

– Ну? – нетерпеливо спросил отец.

– Про татуировку я все решил, хотел с тобой про салон проконсультироваться. Все ж ты у нас химик.

– Не советую. Как химик.

– А я совета и не спрашиваю. Я спрашиваю про салон и безопасность. Если тебе нечего ответить, так я и сам разберусь.

Естественно, Вадим нашел салон и денег дал. И вчера татуировка была сделана. И вот Лиза чувствует и волнуется. Бьется, как птица в клетке.

Он сам никогда не любил тайн, но что ему было делать? Решил не нагнетать перед поездкой. Приедут, разберутся на месте.

Памятник собачки из всей группы больше всего понравился Инессе.

– Так, иди сюда, – она повелительно позвала Лизу. – Ну должны же быть у меня фотки! Давай меня с этим щенком сфотографируй.

– Да вроде это взрослая собака. – Лиза пыталась сфотографировать Инессу без толпы китайских туристов. Они тоже желали запечатлеться с собачкой.

– Взрослая, а дура. Жизнь свою непонятно на кого положила. Это ведь надо, ждать чего-то девять лет.

– Его ждала, которого любила.

– Вот я и говорю, щенок. Щенки, они все дураки. Или не согласна?

– Несмышленые.

– Все они смышленые. Вид только делают. Вон, видала? – Она кивнула на Матвея. – Делает вид, что ни при чем, а эта прямо желчью изошлась.

– Инесса, ну мы же не знаем, что там случилось.

– А что тут знать, тут и так все понятно. Да ты меня сверху снимай, сверху! Снизу я очень крупная получаюсь.

Наконец-то модель осталась довольна результатом.

– Вот гляди, вроде муж тебя и старше. И понятно, что в браке вы уже давно.

– А как вам понято?

– Так чего ж тут понимать? Смотрит на тебя без интереса.

– Так прямо заметно?

– Так это ж комплимент. Вы как единое целое. Вот ты свою ногу будешь рассматривать? Или и так понятно, что она у тебя присутствует? Так и он. Руку назад протянул, ты в нее рюкзак вложила.

– Надо же, как, оказывается, это со стороны смотрится. – Они шли назад к автобусу. Вадим о чем-то говорил с экскурсоводом. Инесса, поняв, что Лиза свободна, тяжело оперлась на ее руку.

«Вот ведь тетка! И фотографировать ее кто-то должен, теперь вот нести ее на себе. Что за народ? Еще будет тут ее личную жизнь обсуждать».

– Да ты не расстраивайся! Он же твой, как я понимаю, рюкзак ждал.

– Да, вы очень внимательны.

– Это да. Это я как в том фильме, помнишь? «Потому что я все всегда про всех знаю». Вот, думаешь, что эта Рита в черной маске? Потому что ей противно на всех нас смотреть.

– Это она вам так сказала?

– Нет, это я сама додумалась. Вчера из туалета ее отец с трудом достал. Чего они, думаешь, опоздали на автобус? Не хотела она, видите ли, в ту Японию. Сегодня решила: шут с вами. На Японию посмотрю, а на этих уродов из автобуса ни за что.

Лизе даже интересно стало:

– Инесса, вы случайно не писатель?

– Я? Нет, я косметолог. Ну, бывший, конечно.

– А я думала, что писатель. Фантаст! – Лиза высвободила руку и нырнула в автобус.

– Ишь ты! Ну-ну. Фантаст я. Может, и фантаст. Немного. Но мне люди небезразличны. А то каждый только в свою сторону.

И она тяжело начала взбираться в автобус.

– Заходите, пожалуйста, побыстрее заходите, у нас на сегодня очень большая программа. Все плотно и насыщенно.

– Бежим уже, бежим. Вы нам прямо не даете насладиться!

– У вас тур такой. Наслаждение по графику. Сейчас едем в ресторан.

– А правда, что у японцев больше всего ресторанов на душу населения?

– Именно так. Рассаживайтесь. В автобусе расскажу об этом немного. Это достаточно любопытно.

Синто

– Итак, сначала про рестораны. Это действительно так. Ресторанов много. И это большая часть японской жизни, японской, если хотите, культуры. Вы, конечно, обратили внимание на то, что японцы активно пользуются гаджетами, но они не разучились разговаривать, общаться. Для них это очень важно, и все деловые переговоры происходят только в личном общении. И никогда по телефону или по видеоконференции. И самый распространенный вариант – это когда вас приглашают обсудить сделку в ресторан. Кстати, у японцев достаточно приличное количество денег выделяется на представительские расходы.

– И за чашечкой саке…

– И за ней тоже. Но мы продолжаем наш тур.

Светлана обладала уникальной особенностью не растекаться мыслью по древу. Спросили, ответили, иногда даже от себя добавит. Но не больше, чем она считает нужным. А ведь верный подход. Стоит поучиться.

– Собираясь в Японию, вы, конечно же, поинтересовались о вероисповедании этой страны. Без религии невозможно понять японца. Тут все начинается с религии. И я не могу сказать, что они очень религиозны. Но это уже в их природе. В их культуре. И если вам интересны японцы, если вам хочется разобраться, почему они такие, то нужно начинать плясать от печки. Надо вникнуть в их вероисповедание. Вы знаете, что в Японии существуют две

религии, это синтоизм и буддизм. Буддизм пришел из Китая, и подробнее о буддизме вы будете говорить в Киото, а мы с вами, поскольку направляемся в одно из главных синтоистских святилищ, будем говорить о религии синто. Религия очень древняя. И это основной ключ к пониманию и японской жизни, и самих японцев. В переводе «синто» – это путь богов. То есть мы всю жизнь идем по дороге, и боги нас по этой дороге сопровождают, потому что они повсюду. Божество по-японски «ками». И вот эти ками кругом. Они среди нас, они в нас. Это понять сложно, но именно в этом суть синто. Интересно, что основательницей религии является женщина. Шаманка Химико. И это тоже особенность Японии. Когда вы будете в святилищах, обратите внимание на женщин в красно-белых костюмах. Они тут главные. Их называют «мико». В красивых одеждах мужчины – это «каннуси». Священники синто. У них еще такие специальные шапочки с острыми наконечниками. Опять же, чтобы их легче было найти богам. В синто два самых главных культа. Культ предков и культ природы. На этом основано все. Когда японец умирает, он никуда не уходит. Он остается здесь, среди нас. Предков почитают, но и побаиваются. Побаиваются их гнева. Считается, что и землетрясение – это гнев богов. Религия синто очень простая. Что любят ками? Чистоту, прямоту, правдивость. Что не любят? Смерть, кровь, загрязнение. Тут у японцев и вообще все не так, как у нас. Смерть для них – это грязь. Раньше даже столицу переносили, когда умирал император. Как может город оставаться столицей, если в ней умер император? Этот город считался грязным. Кстати, и виноват в поединке всегда был тот, на котором была кровь. Вот такие поверья. Во что еще всегда верили синто? Главное, это не мешать людям жить. Пусть живут, как хотят. Свободно и спокойно. Нельзя мешать им жить, нельзя мешать выращивать рис. Вот, собственно, и все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ronina_elena/tuman-nad-fudzi

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити